ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ Ѳ. И. БУЛГАКОВА

НАПОЛЕОНЪ I ВЪ РОССІИ

ВЪ КАРТИНАХЪ В. В. ВЕРЕЩАГИНА

15 ФОТОГРАВЮРЪ

Съ портретомъ В. В. Верещагина, его предисловіемъ и пояснительнымъ описаніемъ картинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1899

Цѣна 4 руб.

Въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продаются

Художественныя изданія Ѳ. И. БУЛГАКОВА:

В. В. ВЕРЕЩАГИНЪ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Роскошное фототип. и автотип. изданіе. **227 иллюстрацій** на слон. бумагѣ (Кавказскіе рисунки.—Туркестанскіе и индійскіе картины и этюды.—Картины изъ русско-турецк. войны.—Палестинскіе картины и этюды). **Текстъ:** В. В. Верещагинъ, какъ художникъ.—Жизнь и дѣятельность В. В. Верещагина.—В. В. Верещагинъ о реализмѣ и прогрессѣ въ искусствѣ.—Полный хронолог. перечень его произвед. съ объясненіями художника.—Верещагинскія выставки съ оцѣнками ихъ заграничн. критикой и печатью. **Ц. 10 р.; въ роск. пер. 11 р. 75 к.; пересылка 1 р.**

П. А. ѲЕДОТОВЪ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ

художественныя и литературныя.

Картины, акварели и рисунки (изъ галлерей П. М. Третьякова, К. Т. Солдатенкова, Моск. Публ. и Румянцевск. музея, изъ коллекцій А. И. Сомова и А. И. Бегрова) съ поясненіями П. А. Ѳедотова въ стихахъ и прозѣ и съ автографич. факсимиле. **Стихотворенія, басни и пѣсни.** Съ 6 портр. П. А. Ѳедотова, автобіографіей его и воспоминаніями о немъ. Роскошн. фототипич. и автотипич. изданіе на слоновой бумагѣ. Ц. 5 р.; въ папкѣ 5 р. 50 к.; пересылка 75 к.

АЛЬБОМЪ 120-Й ВЫСТАВКИ КАРТИНЪ И. К. АЙВАЗОВСКАГО.

Роскошное фототипическое изданіе. **67 картинъ.** Съ портретомъ **И. К. Айвазовскаго.**
(Распродано).

АЛЬБОМЪ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ:

КАРТИНЫ И РИСУНКИ
И. И. ШИШКИНА.

Роскошное фототипическое и автотипическое изданіе на слоновой бумагѣ.
Цѣна 2 р. 50 к., пересылка 50 к.

КАРТИНЫ Г. И. СЕМИРАДСКАГО.

На слоновой бумагѣ.
Цѣна 2 р. 50 к., пересылка 50 к.

КАРТИНЫ К. Е. МАКОВСКАГО.

На слоновой бумагѣ.
Цѣна 2 р. 50 к., пересылка 50 к.

КАРТИНЫ В. Д. ОРЛОВСКАГО.

На веленевой бумагѣ.
Цѣна 2 р., пересылка 50 к.

Альбомъ Декабрьской выставки 1890 г.

КАРТИНЫ:

Айвазовскаго, Ендогурова, Загорскаго, Казанцева, Кившенко, Ковалевскаго, Крачковскаго, Крыжицкаго, Лагоріо, Мещерскаго, Пимоненко, Писемскаго, Платонова, Самокиша, Сергѣева и Степанова.
20 фототипій на слоновой бумагѣ.
Ц. 1 р. 50 к., пересылка 50 к.

Альбомъ Академической выставки.

1889 г. (90 иллюстрацій). Ц. 1 р. 25 к., на слоновой бумагѣ 2 р. 50 к.—**1890 г.** Вып. II. Фототипическое изданіе на слоновой бумагѣ. Ц. 1 р. 50 к. Вып. I и III **распроданы.**—**1891 г.** I и III выпуски по 1 р. 50 к. каждый (весьма незначительное число экз.). II вып. **распроданъ.**—**1893 г.** Ц. 2 р. 50 к., перес. 50 к.—**1894 г.** Ц. 3 руб., перес. 50 к.—**1896 г.** Ц. 3 р., пересылка 50 к.

КАРТИНЫ И ЭТЮДЫ Р. Г. СУДКОВСКАГО.

Роскошное фототипическое изданіе. Ц. 3 р., пересылка 50 к.

АЛЬБОМЪ РУССКОЙ СКУЛЬПТУРЫ.

Произведенія профессора М. М. АНТОКОЛЬСКАГО.
Роскошное фототипическое изданіе на слоновой бумагѣ. **(РАСПРОДАНО).**

„НАШИ ХУДОЖНИКИ“

(живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры) на академическихъ выставкахъ. Біографіи, портреты художниковъ и снимки съ ихъ произведеній въ алфавитномъ порядкѣ именъ художниковъ. ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

ИЗДАНІЕ РАСПРОДАНО.

Адресующіеся къ автору этихъ изданій (Спб., Малая Морская, 9) за пересылку не платятъ.

Годовые подписчики **иллюстрированнаго „Новаго Журнала Иностранной Литературы“** *за 1899 г. (П.* **4** *р., съ пересылкой* **5** *р.), адресующіеся непосредственно въ редакцію его (Спб., Малая Морская, 9), пользуются* **10%** *уступкой на всѣ художественныя изданія Ѳ. И. Булгакова.*

Годовые подписчики **иллюстрированнаго „Новаго Журнала Иностранной Литературы“** *за 1899 г. (П.* **4** *р., съ пересылкой* **5** *р.), адресующіеся непосредственно въ редакцію его (Спб., Малая Морская, 9), пользуются* **10%** *уступкой на всѣ художественныя изданія Ѳ. И. Булгакова.*

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ Ѳ. И. БУЛГАКОВА

НАПОЛЕОНЪ I ВЪ РОССІИ

ВЪ КАРТИНАХЪ В. В. ВЕРЕЩАГИНА

15 ФОТОГРАВЮРЪ

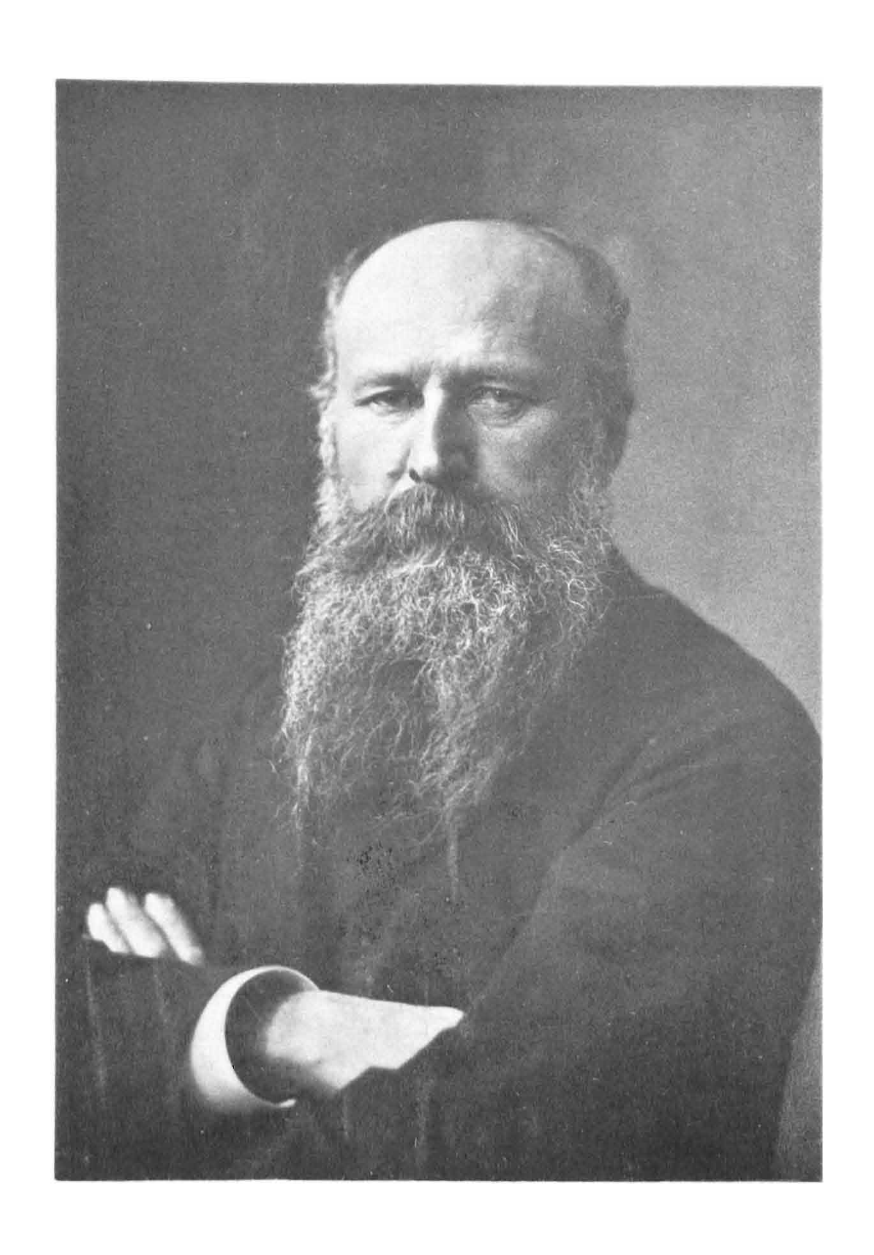
Съ портретомъ В. В. Верещагина, его предисловіемъ и пояснительнымъ описаніемъ картинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1899

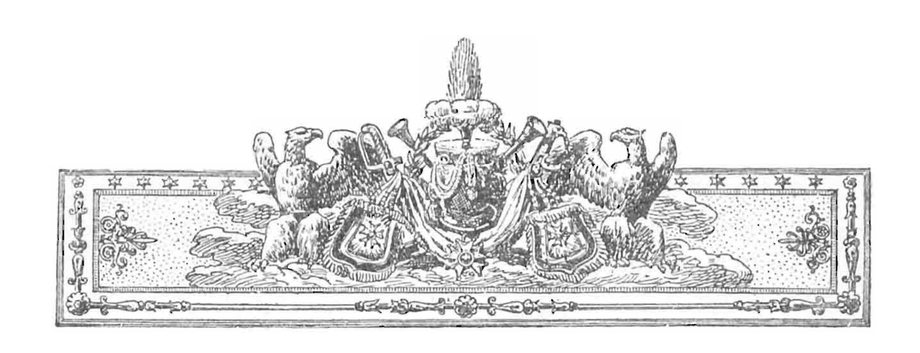
Дозволено цензурою 3-го августа 1899 г. С.-Петербургъ

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

В. В. ВЕРЕЩАГИНЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изученіе жизни и дѣятельности такого вершителя судебъ своего времени, какимъ былъ Наполеонъ I, представляетъ большой интересъ,— говорю объ изученіи разностороннемъ, исключающемъ поклоненіе легендѣ. Обыкновенно сверхъестественное въ такой степени примѣшивается къ памяти о великомъ полководцѣ, что бываетъ трудно отличить правду отъ вымысла, и чѣмъ блистательнѣе карьера героя, чѣмъ необыкновеннѣе его подвиги, тѣмъ легендарные разсказы о немъ чудеснѣе.

Жизнь Наполеона I, за 20 лѣтъ, представляла рядъ фактовъ до такой степени поражавшихъ воображеніе, что люди склонялись придавать имъ значеніе свыше-предопредѣленныхъ событій, а въ самомъ великомъ полководцѣ видѣть исполнителя неотразимыхъ приговоровъ судьбы.

Позже, въ кампанію 12 года, Наполеонъ увлекся до того, что сразу вступилъ въ борьбу съ людьми, климатомъ и пространствами сѣвера и палъ, но обликъ его черезъ это не потерялъ своего обаянія, а, напротивъ, украсившись ореоломъ страдальчества, сталъ еще болѣе интересенъ для всякаго мыслящаго человѣка — художника, философа, политика или военнаго.

Литература всѣхъ родовъ уже занималась изученіемъ этой крупной личности, но живопись — искусство сравнительно отсталое въ умственномъ отношеніи, какъ требующее трудной спеціальной техники — до сихъ поръ почти не затрогивала Бонапарта-человѣка, пробавляясь Наполеономъ — геніемъ, полубогомъ, стоящимъ внѣ условій мѣста, климата и законовъ человѣческой жизни [1]).

Наполеонъ I — безъ сомнѣнія, самая яркая фигура XIX столѣтія, а кампанія 12 года — наиболѣе выдающееся военное событіе этого вѣка: громадность замысла, быстрота событій и важность ихъ послѣдствій невольно приковываютъ вниманіе къ дѣламъ, имѣвшимъ вліяніе на все XIX столѣтіе.

Представляя въ картинахъ нѣсколько чертъ характера героя и его наружнаго облика, я хочу въ то же время обратить вниманіе читающаго эти строки на нѣкоторые маловыясненные факты его жизни.

Къ числу такихъ фактовъ, способныхъ до нѣкоторой степени освѣтить причины настойчиваго недоброжелательства Наполеона къ Россіи, надобно отнести: 1) прошеніе поручика Бонапарта, поданное въ 1789 г. русскому генералу Заборовскому, о принятіи его на царскую службу — прошеніе, на которое послѣдовалъ отказъ, изъ-за претензіи просителя на маіорскій чинъ [2]); 2) намѣреніе императора Наполеона породниться съ императоромъ Александромъ женитьбой на одной изъ его сестеръ, неудавшееся изъ-за нерасположенія къ жениху матери невѣсты.

Конечно, несправедливо было бы сказать, что оскорбленное самолюбіе поручика-императора было единственною причиною почти постоянной вражды его къ Россіи, но, съ другой стороны, нельзя смотрѣть на эти факты, какъ на второстепенные, при данныхъ темперамента и характера героя.

Въ кампанію 12 года Наполеонъ проявилъ столько стремительности и противорѣчій, составилъ столько порывистыхъ, непрактичныхъ плановъ, что однимъ желаніемъ отомстить за несоблюденіе какихъ-то условій

---

[1]) Для примѣра довольно сказать, что всѣ картины представляютъ Наполеона на снѣжныхъ равнинахъ Россіи при 25 градусахъ мороза въ сѣромъ пальто или короткой шубкѣ нараспашку, въ треугольной шляпѣ и тонкихъ сапогахъ, когда въ дѣйствительности онъ преисправно кутался въ длинную соболью шубу, мѣховую же шапку съ наушниками и теплые сапоги.

[2]) Интересно, что Заборовскій не могъ себѣ простить впослѣдствіи этого отказа. Въ 1812 году, проживая на покоѣ въ Москвѣ, почтенный генералъ горько каялся въ томъ, что отказалъ Бонапарту и тѣмъ косвенно былъ причиною обрушившихся на Россію бѣдъ и опустошеній. Императоръ Александръ въ свой пріѣздъ въ Москву для коронаціи много распрашивалъ генерала объ этомъ происшествіи.

Графъ Растопчинъ утверждаетъ, что имѣлъ въ рукахъ самый документъ отвергнутой просьбы.

трактата нельзя объяснить всего этого — очевидно, въ дѣло замѣшалось смертельно уязвленное самолюбіе.

При всѣхъ безспорно высокихъ качествахъ ума, Наполеонъ послѣ второй женитьбы на австрійской принцессѣ — за отказомъ русской — какъ будто теряетъ свою прозорливость и, несмотря на ясно сознанную пользу союза съ великою Сѣверною державой, бьетъ на разрывъ съ нею, увлекается, теряетъ терпѣніе и, по привычкѣ дѣйствовать стремительно, рѣшительными ударами, быстро идетъ къ погибели.

Даже оставивши въ сторонѣ первую, какъ весьма отдаленную, попытку вступить въ добрыя отношенія съ Россіей (поступленіемъ въ русскую службу), нельзя не признать, что вторая неудача,—неудача сватовства, при которой, съ одной стороны, было пущено въ ходъ, а съ другой отвергнуто обаяніе мужчины, императора, героя,—прямо и непосредственно повела къ извѣстной развязкѣ.

Еще за время Тильзита Наполеонъ кидалъ взоры на великую княжну Екатерину Павловну, но, лишь только намѣреніе его стало извѣстно, молодую принцессу поспѣшили выдать за герцога Ольденбургскаго. Французскій императоръ не призналъ себя, однако, побѣжденнымъ и посватался, хотя тоже секретно, но уже съ соблюденіемъ всѣхъ формъ, къ великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ. Когда и тутъ дѣло стало затягиваться — вмѣсто предложеннаго срока 48 часовъ, на многія и многія недѣли — Наполеонъ понялъ смыслъ проволочки, рѣзко оборвалъ переговоры и тотчасъ женился на австрійской эрцгерцогинѣ; а русская императрица-мать, Марія Ѳеодоровна, не довольствуясь сдѣланнымъ афронтомъ, еще увеличила его, сосватавъ и эту дочь за одного изъ мелкихъ нѣмецкихъ князей. Это было уже слишкомъ и Наполеонъ разразился: выгналъ герцога Ольденбургскаго изъ его владѣній и, пообѣщавши ту же участь всей нѣмецкой роднѣ Александра, сталъ рѣшительно готовиться къ войнѣ.

За подборомъ и подтасовкою фактовъ, за эффектными трескучими фразами о необходимости похода цивилизаціи противъ варварства, которое должно быть изгнано изъ Европы въ Азію, нечего было много тратить времени, такъ какъ приниженное общество Европы, при полномъ сознаніи славы Франціи и величія ея повелителя, а также и своего безсилія передъ его рѣшеніями, было вполнѣ готово къ принятію всякаго новаго откровенія этого воплощеннаго Провидѣнія.

Не невозможно, что вначалѣ Наполеонъ желалъ только застращать своего противника грандіозностью военныхъ приготовленій и заставить его публично, передъ всею Европой, смириться; такъ, по крайней мѣрѣ, понимали французскія приготовленія къ войнѣ русскій канцлеръ Румянцевъ и многія другія лица; то же, очевидно, допускалъ и импера-

торъ Александръ, потому что до послѣдней минуты не терялъ надежды на возможность сговориться. Но когда онъ отказался сдѣлать къ этому первый шагъ, императору французовъ не оставалось ничего иного, какъ, по собственному его выраженію, «выпить откупоренное вино».

Тутъ начинается одна изъ самыхъ поучительныхъ и драматическихъ страницъ современной исторіи: всесвѣтно признанный умъ и военный геній, наперекоръ указаніямъ своей опытности и опытности всѣхъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, не можетъ, несмотря на многократно выраженное твердое намѣреніе, остановиться, а фатально идетъ все впередъ и впередъ, идетъ въ самую глубь вражеской страны, на сознаваемую всѣми окружающими его гибель! Постоянно памятуя и помнная примѣръ Карла XII и высказывая рѣшеніе никакъ не повторить его ошибки, дѣлаетъ именно эту же ошибку! Видя, что чудная армія его гибнетъ, таетъ какъ ледъ на знойныхъ, утомительныхъ переходахъ, чувствуя себя поглощеннымъ громадностью пройденнаго (но не завоеваннаго) пространства, обманутымъ тактикою непріятеля, превзойденнымъ его твердостью,—все-таки идетъ впередъ, буквально устилая путь трупами!

Въ Витебскѣ Наполеонъ объявляетъ кампанію 12 года конченною: «здѣсь я остановлюсь», говоритъ онъ, «осмотрюсь, соберу армію, дамъ ей отдохнуть и устрою Польшу. Двѣ большія рѣки очертятъ нашу позицію; построимъ блокгаузы, скрестимъ линіи нашихъ огней, составимъ карре съ артиллеріею, построимъ бараки и провіантскіе магазины; въ 13 году будемъ въ Москвѣ, въ 14-мъ—въ Петербургѣ. Война съ Россіею—трехлѣтняя война!»

Есть всѣ основанія думать, что если бы этотъ планъ остановки въ Литвѣ былъ приведенъ въ исполненіе, благодушный самодержавецъ Россіи тѣми или другими мѣрами былъ бы приведенъ къ соглашенію и миру. Но Наполеонъ теряетъ терпѣніе, покидаетъ Витебскъ и идетъ впередъ. Правда, онъ рѣшается идти только до Смоленска, «ключа двухъ дорогъ,—на Петербургъ и Москву, которыми необходимо завладѣть, чтобы быть въ состояніи выступить весною сразу на обѣ столицы». Въ Смоленскѣ онъ собирается отдохнуть, окончательно устроить все и весною 1813 года, если Россія не подпишетъ мира—прикончить ее! Но, на перекоръ этому, французская армія покидаетъ Смоленскъ и идетъ впередъ!

Въ Москвѣ должна была начаться агонія громаднаго предпріятія, участники котораго устали, а руководитель потерялъ голову,—нельзя иначе выразиться о поведеніи Наполеона относительно Александра, поведеніи не только унизительномъ, но какъ бы разсчитанномъ на то, чтобы выдать затруднительность и безвыходность своего положенія: и

Въ ожиданіи мира.

Съ картины В. В. Верещагина.

стороною и прямо онъ пишетъ письма съ любезностями, съ увѣреніями въ дружбѣ, преданности и братской любви; посылаетъ генераловъ съ новыми предложеніями мира, не получивъ отвѣта на старыя: «Мнѣ нуженъ миръ», говоритъ онъ Лористону, отправляемому съ такою деликатною миссіей въ русскій лагерь, «миръ во что бы то ни стало—спасите только честь!»

Разрѣшеніе грабежа и гнѣвъ на невозможность остановить его, намѣреніе идти на Петербургъ, т.-е. на сѣверъ передъ самымъ началомъ зимы; приказъ о закупкѣ въ совершенно раззоренномъ, выжженномъ краѣ громаднаго количества провіанта и фуража, а также 20,000 лошадей—все это факты, граничащіе съ насмѣшкою.

Потомъ обратное движеніе, съ его разсчитанною медленностью для сохраненія награбленнаго солдатами добра, давшею возможность русскимъ предупредить французскія войска и преградить имъ дорогу; раздѣленіе арміи на отдѣльные самостоятельные отряды, одинъ за другимъ побитые, почти истребленные; приказъ систематическаго выжиганія передними войсками всѣхъ окрестностей пути—въ прямой ущербъ остальной арміи; наконецъ, святотатственное отношеніе къ религіи страны, поблажка оскверненію храмовъ, убійствамъ, замариванію голодомъ всякаго люда, попадавшагося подъ руку подъ именемъ «плѣнныхъ»,—все это поступки, вызвавшіе страшныя проявленія мести со стороны озлобившагося населенія, поступки, о которыхъ «свѣжо преданіе», но которымъ «вѣрится съ трудомъ».

Тамъ и сямъ, какъ подъ Краснымъ и при Березинѣ, блещутъ еще искры геніальнаго самосознанія великаго полководца, но эти отдѣльныя проявленія силы духа и военнаго таланта, эти послѣдніе лучи закатывающагося свѣтила не въ состояніи уже предупредить величайшаго изъ представляемыхъ исторіею погромовъ.

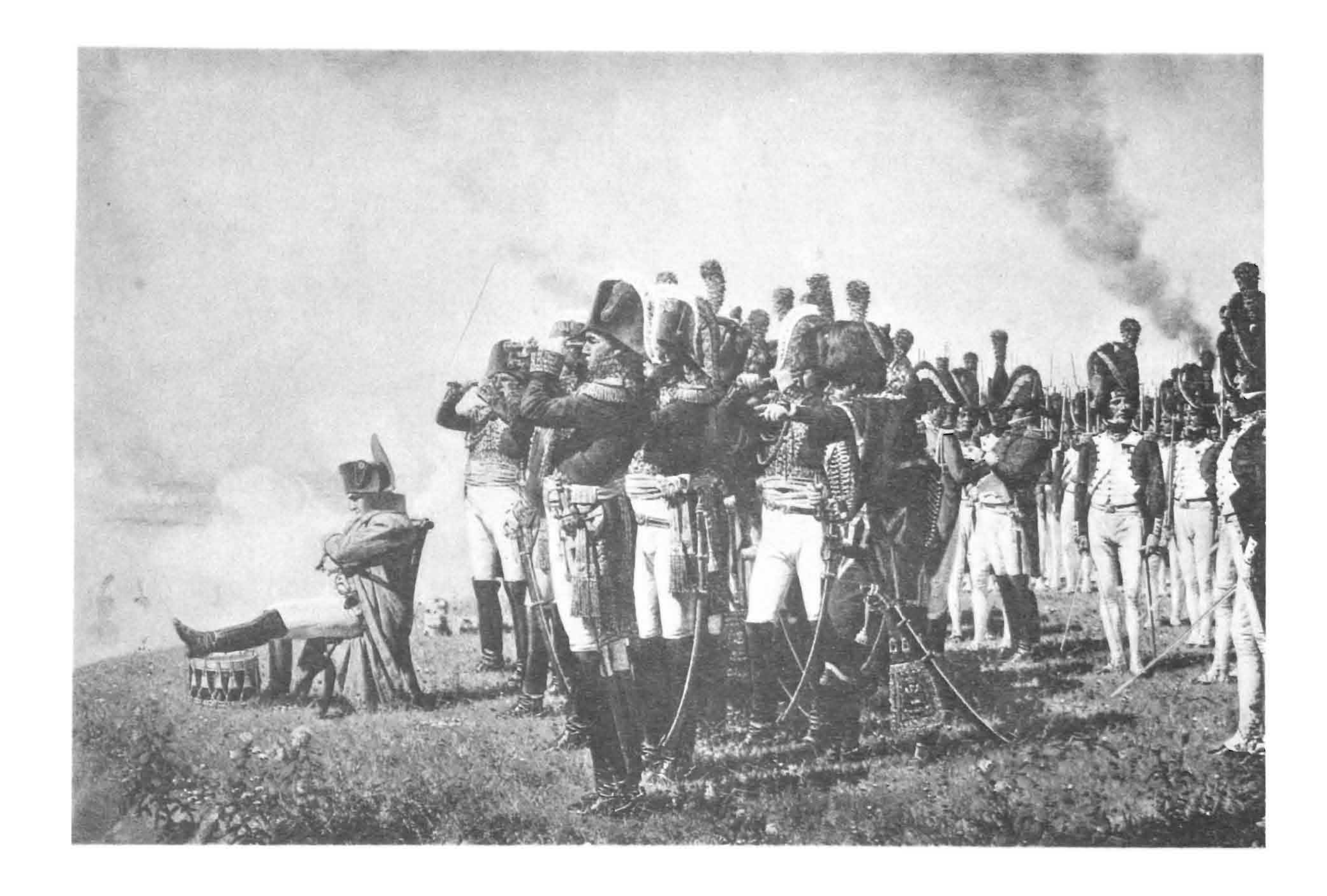
Кромѣ предлагаемыхъ здѣсь объясненій къ картинамъ, я собралъ въ отдѣльную книгу много интересныхъ свѣдѣній, на которыя и обращаю вниманіе читающаго эти строки: это характерныя выдержки изъ воспоминаній современниковъ-очевидцевъ о пребываніи Наполеона въ Россіи въ 1812 году, съ сохраненіемъ, по возможности, простоты и безъискусственности разсказовъ.

Люди, мало знакомые съ войной, скажутъ, пожалуй, читая эти страницы: «Какой ужасъ! Французы только и дѣлали, что били, жгли, разстрѣливали, грабили?»—Конечно, да, вѣдь для этого они и приходили; только надобно сдѣлать оговорку: подъ словами «Французы въ 12 году»

въ Россіи понимаютъ всю массу войскъ, собранныхъ по Европѣ, всѣ «дванадесять языкъ», составлявшихъ «великую армію»; что касается собственно французовъ, я долженъ сказать, что въ памяти большинства русскихъ, оставившихъ разсказы объ этой эпохѣ, они, несмотря на самыя безцеремонныя разстрѣливанія, казались болѣе великодушными, чѣмъ ихъ союзники, особенно баварцы и виртембергцы. Поляки были также очень жестоки, но они сводили съ русскими старые счеты, тогда какъ неистовства швабовъ трудно не только оправдать, но и объяснить.

Наполеонъ I на Бородинскихъ высотахъ.

Съ картины В. В. Верещагина.

Наполеонъ I въ Россіи (1812).

I.

Наполеонъ I на Бородинскихъ высотахъ.

Императоръ самъ рекогносцировалъ русскія позиціи подъ Бородинымъ, для чего пріѣхавъ съ развѣдочною партіей, долго разсматривалъ въ подзорную трубку размѣщеніе и укрѣпленія русскихъ войскъ съ колокольни Колочскаго монастыря [1]). Бросивъ взглядъ на поле будущей битвы, онъ понялъ ошибку Кутузова, принявшаго новую Смоленскую дорогу за центръ позиціи, сильно укрѣпившаго и безъ того крѣпкія высоты праваго фланга и нѣсколько пренебрегшаго лѣвымъ. Видя, что глубоко текущая Колоча сильно заворачиваетъ на правомъ флангѣ расположенія русскихъ войскъ, Наполеонъ понялъ, что только крутые берега могли принудить ее къ тому, понялъ, что эти берега должны быть трудно доступны. На лѣвомъ флангѣ, напротивъ, русло рѣки ровнѣе, берега отложе; этимъ онъ рѣшилъ воспользоваться и тотчасъ же составилъ свой планъ: вице-король Евгеній долженъ больше демонстрировать передъ Бородинымъ и правымъ флангомъ русскихъ, атакуя въ то же время большой редутъ; Понятовскій обойдетъ ихъ лѣвый флангъ, а Ней и Даву, овладѣвши настоящимъ ключомъ русскихъ позицій — Семеновскими флешами, сдѣлаютъ поворотъ налѣво и втопчутъ Кутузова съ резервами въ Колочу.

Планъ былъ не дуренъ, но его исполненію помѣшали какъ неожиданно-отчаянная стойкость русскихъ войскъ, такъ и изъ ряда вонъ выдавшіяся способности генерала Багратіона: безъ этого послѣдняго французскіе маршалы, пожалуй, выполнили бы предписанное имъ движеніе.

Къ счастью для нашей арміи, Наполеонъ не согласился съ предложеніемъ Даву, просившаго послать его съ 35.000 человѣкъ 1-го корпуса и 5.000 поляковъ, по старой Смоленской дорогѣ, въ тылъ рус-

[1]) При этомъ онъ посѣтилъ и самый монастырь, гдѣ засталъ монаховъ за трапезой, попробовалъ и хвалилъ ихъ щи. Уѣзжая онъ оставилъ на колокольнѣ собственноручную надпись въ двѣ строки, подписанную его именемъ. Надпись эту монахи замазали потомъ известкой.

скимъ: въ то время, какъ велась бы атака съ фронта, онъ брался зайдя, глубокою ночью сзади и переходя отъ редута къ редуту, все сокрушить и, окруживши, все заставить положить оружіе. Онъ ручался, что къ 7-ми часамъ утра маневръ будетъ выполненъ! Принимая во вниманіе ошибку Кутузова, собравшаго главныя силы на правомъ флангѣ, который никто не думалъ атаковать, можно допустить, что русская армія была бы разбита. Но Наполеонъ не принялъ этого плана наиболѣе талантливаго и тактичнаго изъ своихъ маршаловъ, изъ-за слишкомъ большой смѣлости его, какъ онъ выражался — изъ-за маленькой ревности, jalousie de metier, можно прибавить. Онъ повелъ атаку съ фронта, и Кутузовъ имѣлъ время, замѣтивъ свою оплошность хоть и въ самомъ пылу битвы, подъ сильнѣйшимъ огнемъ, перевесть войска справа налѣво, гдѣ Багратіонъ уже изнемогалъ въ непосильной борьбѣ. Понятовскій съ одними поляками сдѣлалъ немного: застрявши было въ болотахъ, онъ смогъ только заставить Тучкова отвести войска крайняго лѣваго фланга на 2 версты назадъ.

Французская армія подошла къ Бородинскимъ высотамъ въ числѣ 170—180.000 человѣкъ [1]) и тотчасъ же завладѣла Шевардинскимъ редутомъ, не безъ того, однако, чтобы онъ не перешелъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, прежде чѣмъ остался за французами [2]). На другой день послѣ этого дѣла обѣ арміи оставались въ бездѣйствіи, какъ бы въ негласномъ перемиріи, будто условясь въ томъ, что на слѣдующій день все будетъ окончательно рѣшено,—значитъ, пока нечего напрасно безпокоиться.

Со стороны французовъ тишина лишь временемъ нарушалась кликами: «Vive l'Empereur!»—это гвардія воодушевлялась лицезрѣніемъ портрета маленькаго сына Наполеона, привезеннаго изъ Парижа и выставленнаго для гренадеровъ, передъ палаткою императора. Со стороны русскихъ было больше движенія: по рядамъ колѣнопреклоненныхъ войскъ обносили съ пѣніемъ псалмовъ икону Смоленской Богоматери въ сопровожденіи Кутузова съ штабомъ; всѣ плакали, молились, приготовлялись къ принятію смерти за свободу родины, за Москву.

«Великій день готовится»,—сказалъ Наполеонъ одному изъ своихъ приближенныхъ,—«битва будетъ ужасна!»

Ночью передъ сраженіемъ французскій императоръ снова сталъ бояться, какъ бы русскіе, пользуясь ночной темнотой, опять не отступили—эта мысль не давала ему спать. Онъ часто призывалъ, разспрашивалъ: не слышно ли у непріятеля какого-нибудь шума, тутъ ли онъ еще? Наконецъ, въ 5 часовъ ординарецъ Нея пришелъ доложить, что маршалъ проситъ дозволенія атаковать, и тутъ загорѣлся бой, равнаго которому по кровопролитію не было еще съ самаго времени изобрѣтенія пороха! Дрались съ обѣихъ сторонъ съ такимъ ожесточеніемъ, что не

---

[1]) Такъ какъ черезъ Нѣманъ перешло 400.000, то невольно является вопросъ: что же сталось съ остальными 220—230.000, которыхъ не доставало? Также не понятно, откуда явилось 130.000-ная русская армія, которую, судя по бюллетенямъ, тысячами истребляли безъ перерыва въ продолженіе $2^1/_2$ мѣсяцевъ!

[2]) Интересно, что когда послѣ этого перваго успѣха Наполеонъ, не видя плѣнныхъ, спросилъ: «что это значитъ?»—ему отвѣтили: «Не сдаются, ваше величество, лѣзутъ на смерть!»

брали ни плѣнныхъ, ни какихъ другихъ трофеевъ, только бились, бились, бились! Признано, что потери съ обѣихъ сторонъ превышали 100.000 человѣкъ; но, принимая во вниманіе, что на Бородинскомъ полѣ зарыто, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, до 57.000 труповъ, надобно положить, что у французовъ и русскихъ въ этомъ сраженіи выбито изъ строя свыше 150.000 [1]).

По привычкѣ безъ мѣры преувеличивать результаты своихъ успѣховъ, Наполеонъ объявилъ побѣду рѣшительною и похвалился 50.000 убитыхъ и раненныхъ русскихъ, сравнительно съ 10.000 у себя. Въ дѣйствительности онъ потерялъ никакъ не менѣе 60.000,—43 генерала съ невѣроятно большимъ числомъ офицеровъ; цѣлые полки не существовали болѣе, кавалерія совершенно дезорганизована, почти уничтожена, и при всемъ томъ не достигнуто никакого ощутительнаго результата, такъ какъ русская армія отошла лишь къ другому ряду высотъ и затѣмъ на слѣдующій день отступила въ порядкѣ, увезя артиллерію и багажъ. Дѣйствительно, къ 3 часамъ Наполеонъ овладѣлъ батареей Раевскаго (la grande redoute) и Семеновскими флешами, но этотъ успѣхъ нисколько не обезпечивалъ за нимъ возможности овладѣть и тѣми новыми позиціями, въ которыхъ русскія войска ожидали непріятеля до глубокой ночи. Для обращенія противника въ бѣгство нужно было еще и еще драться, на что устрашенный потерями Наполеонъ не рѣшился [2]). Его умоляли дать гвардію для послѣдняго удара, но онъ отказался, досадливо отвѣтивши: «А если придется принять еще битву подъ стѣнами Москвы, съ чѣмъ я ее выдержу?»

Эта нерѣшительность была строго осуждена всею французской арміей, не знавшей, что главной причиной ея была болѣзнь Наполеона.

Наполеонъ объявилъ въ приказѣ, что во время битвы будетъ находиться на Шевардинскомъ редутѣ; въ дѣйствительности онъ сидѣлъ на холмѣ влѣво, недалеко онъ помѣщичьей усадьбы. Онъ пробовалъ ходить, но скоро въ изнеможеніи снова садился.

«Перебирая все, чему я былъ свидѣтелемъ въ продолженіе этого дня,—говоритъ очевидецъ баронъ Лежёнъ въ своихъ воспоминаніяхъ,— и сравнивая эту битву съ Ваграмомъ, Ейслингомъ, Эйлау и Фридландомъ, я былъ пораженъ недостаткомъ у него энергіи и дѣятельности... Каждый разъ, возвращаясь послѣ исполненія порученій, я находилъ его сидящимъ въ той же позѣ, слѣдящимъ въ трубу за ходомъ битвы и съ невѣроятнымъ спокойствіемъ раздающимъ приказанія. Въ этотъ день мы не имѣли счастія видѣть его, какъ въ былыя времена, личнымъ присутствіемъ ободряющимъ тѣ части войскъ, передъ которыми было наибольшее сопротивленіе, гдѣ успѣхъ былъ болѣе сомнителенъ. Мы дивились, не узнавая героя Маренго, Аустерлица и другихъ битвъ. Мы не знали, что Наполеонъ былъ боленъ и что это болѣзненное состояніе дѣлало невозможнымъ его личное участіе въ великой драмѣ, разыгрывавшейся передъ его глазами, исключительно для его славы. За и противъ Наполеона творились чудеса храбрости: 80.000 русскихъ и фран-

[1]) Зарыто до 32.000 труповъ лошадей.

[2]) Очевидецъ, генералъ-интендантъ французской арміи генералъ Дюма, говоритъ: «Nos pertes furent immenses!»

цузовъ проливали свою кровь исключительно для утвержденія или сверженія его власти, а онъ смотрѣлъ на это съ невозмутимымъ спокойствіемъ»...

«Наполеонъ,—разсказываетъ маркизъ де-Шамбрей,—присутствовалъ пѣшій, одѣтый въ форму гвардейскихъ стрѣлковъ... Завоеватель во все время битвы оставался на одномъ мѣстѣ, прохаживаясь взадъ и впередъ съ Бертье. За нимъ стояла пѣхота старой гвардіи и немного впереди влѣво вся остальная гвардія. Онъ апатично сидѣлъ въ продолженіе всей битвы въ этомъ мѣстѣ, слишкомъ отдаленномъ отъ театра дѣйствій для того, чтобы слѣдить за ходомъ ихъ и во время распоряжаться. Въ критическія минуты онъ выказалъ великую нерѣшительность и, пропустивъ счастливую минуту, оказался ниже своей репутаціи. Необходимо замѣтить, что онъ былъ нездоровъ...»

Делафлюзъ разсказываетъ, что за спиной императора стояла его свита, а дальше, выстроенные въ боевой порядокъ, гвардія и резервы. «Наполеонъ за все время не садился на лошадь, потому что,—какъ говорили,—былъ боленъ; онъ былъ одѣтъ въ сѣрый сюртукъ и говорилъ мало... Ничего нельзя было разобрать на полѣ битвы, такъ какъ тяжелыя облака дыма отъ тысячи орудій, не переставая стрѣлявшихъ, все застилали...»

Сегюръ говоритъ: «Почти весь этотъ день Наполеонъ либо сидѣлъ, либо тихо прохаживался, влѣво и немного впереди отъ занятаго 24 числа редута (Шевардина), на краю оврага, вдали отъ битвы, которую едва можно было видѣть; онъ не выражалъ ни безпокойства, ни нетерпѣнія, ни на своихъ, ни противъ непріятеля. Временами только онъ дѣлалъ рукою жестъ, выражавшій печальную покорность, когда приходили докладывать о потерѣ лучшихъ генераловъ. Иногда онъ вставалъ, но, сдѣлавши нѣсколько шаговъ, снова садился. Всѣ окружающіе, привыкши видѣть его при такихъ важныхъ событіяхъ спокойно дѣятельнымъ, а здѣсь встрѣчая тяжелую, неувѣренную бездѣятельность, смотрѣли на него съ изумленіемъ. Видимо страдающій, опустившійся, онъ не сходилъ со своего мѣста и вяло давалъ приказанія, обводя мутнымъ взглядомъ совершавшіеся передъ нимъ ужасы, какъ будто его не касавшіеся...

Мюратъ вспомнилъ, что видѣлъ, какъ наканунѣ императоръ, осматривая линіи непріятеля, нѣсколько разъ останавливался, сходилъ съ лошади и, припавъ лицомъ къ орудію, подолго стоялъ съ выраженіемъ страданія на лицѣ. Король догадывался, что въ эти критическія минуты сила его генія была скована немощью тѣла, разбитаго усталостью, лихорадкою и, главное, болѣзнью, которая болѣе чѣмъ какая-либо другая способна была парализовать физическія и нравственныя силы человѣка» [1]).

Сегюръ оканчиваетъ свой разсказъ о недостаткѣ распорядительности, проявленномъ въ этотъ день Наполеономъ, такими строками: «Когда онъ остался одинъ, въ своей палаткѣ, къ физическому упадку силъ присоединились нравственныя сомнѣнія. Онъ видѣлъ поле битвы и мѣста говорили сильнѣе, чѣмъ люди: побѣда, которой онъ такъ добивался, которую купилъ такою дорогой цѣной, была далеко не полная—громад-

---

[1]) Dysurie.

ныя потери были безъ соотвѣтствующихъ результатовъ. Всѣ его приближенные оплакивали смерть,—кто друга, кто брата или родственника, потому что жребій войны палъ на самыхъ выдающихся. Сорокъ три генерала были убиты или ранены. Какой трауръ въ Парижѣ! Какое торжество для его враговъ! Какой опасный предметъ для размышленія Германіи! Въ арміи вплоть до его собственной палатки побѣда принята молча, пасмурно, угрюмо — даже льстецы молчатъ... Мюратъ воскликнулъ, что «онъ не узналъ въ этотъ великій день геній Наполеона». Вице-король признался, что «не понимаетъ нерѣшительности, высказанной его пріемнымъ отцомъ», а Ней прямо заявилъ, что, «по его мнѣнію, слѣдуетъ отступить...»

Тѣ, что были все время съ нимъ, видѣли, что этотъ побѣдитель столькихъ народовъ былъ самъ побѣжденъ лихорадкой и особенно возвратомъ той мучительной болѣзни, которая возобновлялась у него при всякомъ слишкомъ сильномъ движеніи, всякомъ глубокомъ потрясеніи. Они вспоминали его собственныя слова: «Для войны необходимо хорошее здоровье, которое ничѣмъ не можетъ быть замѣнено!» Вспоминали также его пророческое восклицаніе послѣ Аустерлицкой битвы: «Для войны нужны извѣстные годы. Я самъ буду годенъ для нея только еще шесть лѣтъ — послѣ этого мнѣ придется остановиться.» Подъ Бородинымъ, гдѣ срокъ прошелъ и гдѣ къ годамъ и нездоровью присоединилась изъ ряда вонъ выходившая стойкость противника, ему приходилось пожалѣть, что онъ не остановился...

II.

Передъ Москвой — ожиданіе депутаціи бояръ.

Усталый, еще не вполнѣ оправившійся отъ тяжелыхъ впечатлѣній Бородинской битвы, Наполеонъ подъѣзжалъ къ Москвѣ въ каретѣ. Послѣдній переходъ, однако, онъ сдѣлалъ верхомъ, двигаясь тихо, осторожно, обшаривая кавалеріею всѣ окрестные рощи и овраги.

Ждали битвы, такъ какъ мѣстность казалась удобною для нея: кое-гдѣ находили начатыя земляныя работы, но онѣ оказались покинутыми, и нигдѣ не встрѣчено было ни малѣйшаго сопротивленія.

Наконецъ, осталось подняться на послѣднюю передъ городомъ высоту, называемую «Поклонною», потому что съ нея богомольцы совершаютъ первое поклоненіе Московскимъ святынямъ.

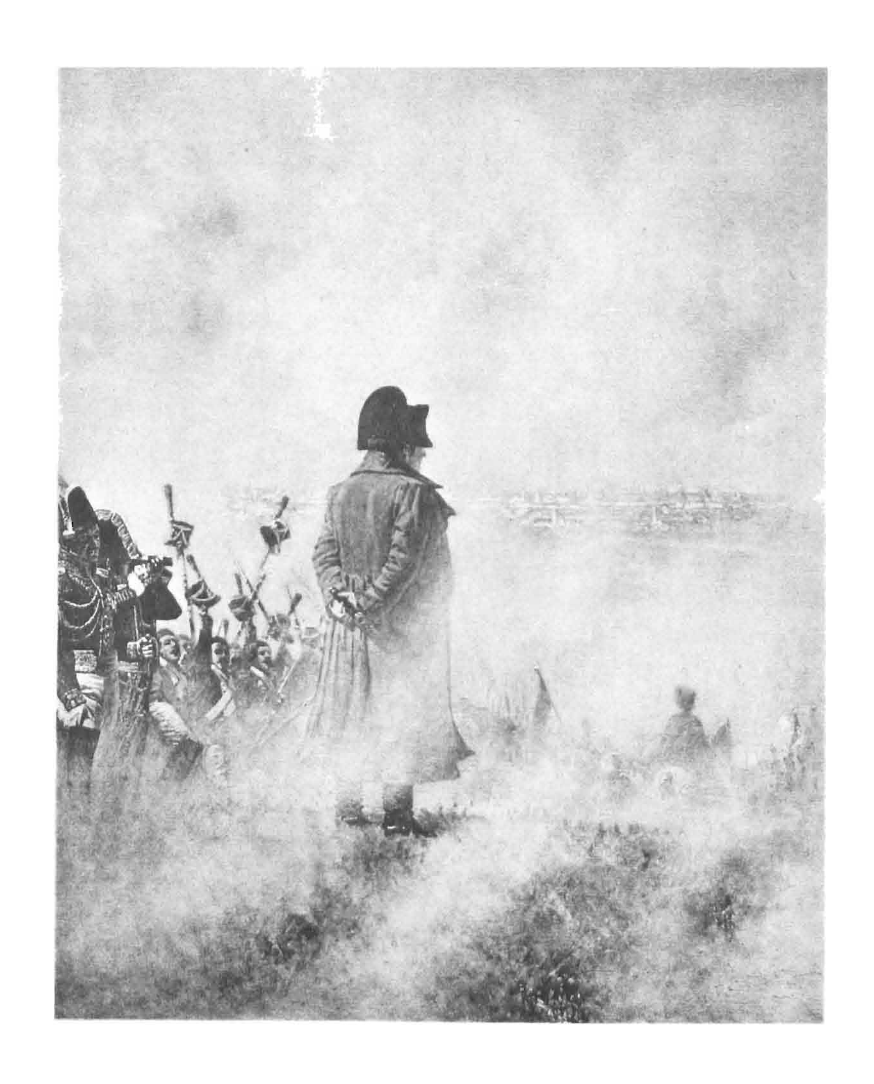
Солнце ярко играло на крышахъ и куполахъ громаднаго города. Было 2 часа дня, когда французскіе разъѣзды показались на этой горѣ и раздались ихъ восторженные крики: «Москва! Москва!» Все бросилось впередъ въ безпорядкѣ какъ бы боясь опоздать, и вся армія, неистово апплодируя, повторяла: «Москва! Москва!» подобно тому, какъ моряки въ концѣ долгаго и труднаго плаванія кричатъ: «Земля! Земля!»

Подъѣхалъ самъ Наполеонъ и остановился въ восхищеніи, у него невольно вырвалось радостное восклицаніе.

Маршалы, нѣсколько отдалившіеся отъ него со времени Бородинской битвы, въ которой онъ не проявилъ должной рѣшимости, теперь, при видѣ Москвы,—«чудной плѣнницы, лежавшей у его ногъ»,—пораженные такимъ великимъ результатомъ и подъ впечатлѣніемъ слуховъ о явившемся будто бы русскомъ парламентерѣ съ мирными предложеніями, забыли свои неудовольствія: приблизившись къ Императору, они еще разъ преклонились передъ его звѣздой и, наперерывъ высказывая свои поздравленія, пожеланія, надежды, не затрудняясь отнесли къ его предусмотрительности то, за что прежде порицали его.

Однако скоро безпокойство овладѣваетъ Наполеономъ: не видно депутаціи бояръ, нѣтъ ни ключей города, съ преклоненіемъ передъ его мощью, ни неизбѣжнаго воззванія жителей къ его великодушію и милосердію, къ чему такъ пріучили его Берлинъ, Вѣна и другія столицы.

Онъ ждетъ съ тѣмъ болѣе понятнымъ нетерпѣніемъ, что еще за часъ до этого приказалъ своему адъютанту, коменданту главной квар-

Передъ Москвой—ожиданіе депутаціи бояръ.

Съ картины В. В. Верещагина.

тиры, графу Дюронелю, поѣхать въ городъ распорядиться тамъ и нарядить депутацію для поднесенія ключей!

Наконецъ, онъ узнаетъ, что Москва оставлена жителями, что не только чиновники, отъ мала до велика, но почти всѣ обитатели выѣхали, такъ что городъ пустъ.

Не смѣя вполнѣ вѣрить этому, онъ еще продолжаетъ надѣяться, что хоть какіе нибудь посланцы выведутъ его изъ неловкаго положенія передъ арміею, Европою, передъ самимъ собою.

Дѣйствительно, въ городѣ наскоро собрали кое-какихъ иностранныхъ торговцевъ, которые просили у Мюрата защиты; ихъ-то вмѣстѣ съ нѣсколькими русскими простолюдинами представили Наполеону. На оборвышей жалко было смотрѣть — до того они всѣ были перепуганы: полагая, конечно, что пришелъ ихъ конецъ, они менѣе всего были готовы не только говорить рѣчи, но и просто разѣвать ротъ передъ нахмуреннымъ, окруженнымъ блестящею свитою императоромъ, который, оглянувъ съ ногъ до головы эту шутовскую депутацію, отвѣтилъ пробормотавшему нѣсколько словъ отъ ея имени типографу-французу: «Imbecile!». Рѣчь къ боярамъ и другія громкія слова, издавна, конечно, заготовленныя pour la circonstance, эхо которыхъ должно было разнестись по всему міру, приходилось отложить до болѣе удобнаго случая.

Очевидецъ, русскій плѣнный, разсказываетъ о томъ, какъ былъ пораженъ Наполеонъ извѣстіемъ о пустотѣ Москвы: «Онъ приведенъ былъ въ чрезвычайное изумленіе, нѣкоторый родъ забвенія самого себя. Ровные и спокойные шаги его въ ту же минуту перемѣнились на скорые и безпорядочные.

«Онъ оглядывается въ разныя стороны, оправляется, останавливается, вздрагиваетъ, цѣпенѣетъ, щиплетъ себя за носъ, снимаетъ съ руки перчатку и опять надѣваетъ, выдергиваетъ изъ кармана платокъ, мнетъ его въ рукахъ и, какъ бы ошибкою, кладетъ въ другой карманъ, потомъ снова вынимаетъ и снова кладетъ; далѣе, сдернувъ съ руки перчатку, торопливо надѣваетъ ее и повторяетъ то же нѣсколько разъ...

«Это продолжалось битый часъ, и во все это время окружавшіе его генералы стояли за нимъ неподвижно, какъ истуканы, не смѣя пошевельнуться...»

Тяжелъ былъ ударъ самолюбію Наполеона: громадный результатъ, добытый цѣною невѣроятныхъ усилій и жертвъ, разыгрывался въ фарсъ, отъ котораго онъ поспѣшилъ отвернуться, чтобы не сдѣлаться смѣшнымъ.

Со стороны города ни малѣйшаго выраженія покорности или даже почтенія, о которомъ можно было бы заявить въ газетахъ. Всѣ фразы снисхожденія, ласки, милости, заготовленныя для москвичей, помощью которыхъ онъ надѣялся, обойдя императора Александра, сговориться съ московскими боярами, преклонить ихъ на свою сторону и вызвать рознь между двумя столицами, — оказывались мыльнымъ пузыремъ, дѣтскимъ карточнымъ домикомъ.

Онъ велѣлъ подать себѣ лошадь и поскакалъ къ предмѣстью.

«Свѣтъ померкъ,—говоритъ очевидецъ,—отъ поднявшейся столбомъ пыли».

III.

Въ Успенскомъ Соборѣ.

Всѣ свидѣтельства современниковъ сводятся къ тому, что русскія церкви, по пути слѣдованія великой арміи, были обращены въ конюшни. Надъ входомъ собора въ Мало-Ярославцѣ красовалась надпись углемъ: «Ecurie du General Guilleminot» (Конюшня генерала Гильемино).

«Церкви,—говоритъ Labaume,—какъ зданія, страдавшія менѣе отъ пожаровъ, были обращены въ казармы и конюшни. Такимъ образомъ ржаніе лошадей и страшныя солдатскія кощунства замѣнили святые гармоническіе гимны, раздававшіеся подъ священными сводами».

R. Bourgeois коротко замѣчаетъ: «Уцѣлѣвшія церкви были отданы подъ кавалерію».

Авторъ «Journal» замѣчаетъ, что «церкви были очень богаты въ Вязьмѣ, зато же онѣ и были разграблены арміею»...

Вокругъ наружныхъ стѣнъ Успенскаго собора стояли горны, въ которыхъ французы плавили ободранные ими оклады съ образовъ и похищенные въ храмахъ металлы. Количество ихъ было записано мѣломъ: «325 пуд. серебра и 18 пуд. золота».

«Наглости всякаго рода и ругательства, чинимыя въ церквахъ, столь безбожны,—говоритъ очевидецъ,—что перо не смѣетъ ихъ описывать: онѣ превышаютъ всякое воображеніе».

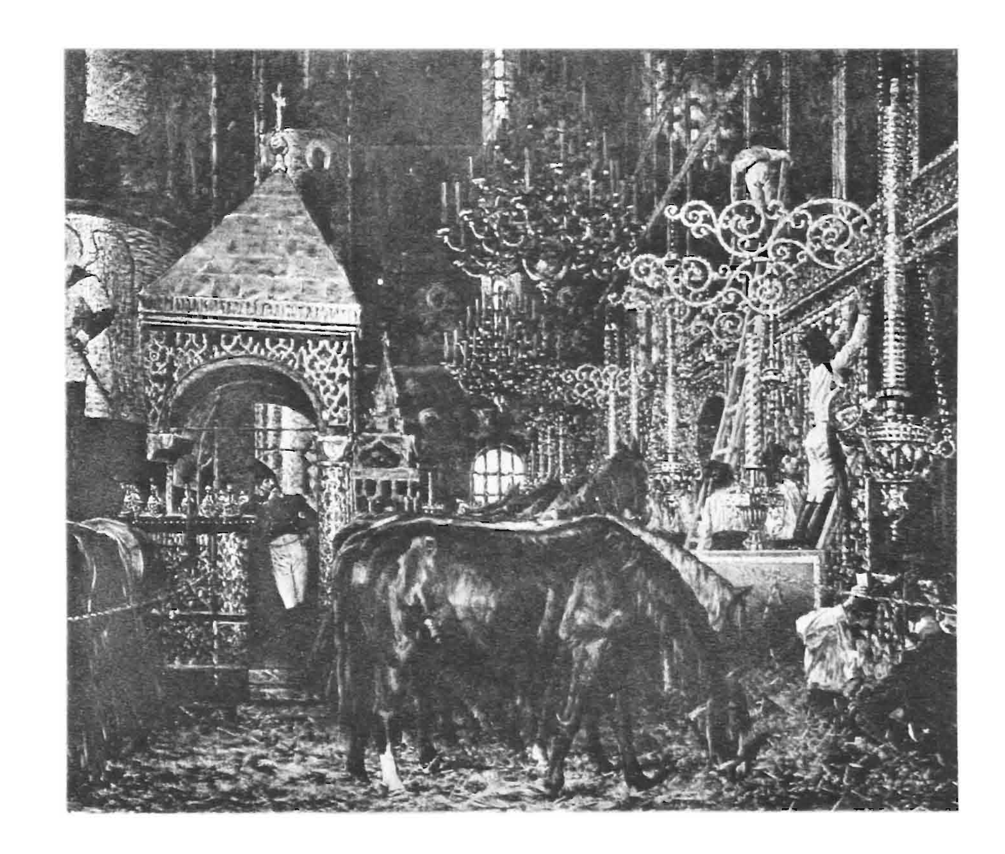
Престолы были всюду опрокинуты: на нихъ ѣли и пили; иконы рубили на дрова, ставили какъ щиты для стрѣльбы. Всѣ, кто могъ и хотѣлъ, одѣвались въ церковныя ризы. Въ Чудовѣ монастырѣ были лошади, въ Благовѣщенскомъ соборѣ валялось бездна бумаги, бутылокъ, бочекъ...

«Въ Успенскомъ соборѣ [1]) «непріятель не только оборвалъ ризы со всѣхъ святыхъ иконъ, не оставляя и верхнихъ окладовъ со всѣми

---

[1]) Согласно многимъ свидѣтельствамъ, въ этомъ соборѣ была конюшня гвардейской кавалеріи.

Въ Успенскомъ Соборѣ.
Съ картины В. В. Верещагина.

ихъ украшеніями, но и самыя мѣстныя и около переднихъ столповъ большія иконы, древностію своею доселѣ прославившіяся, похитилъ или истребилъ, оставляя однѣ пустыя мѣста. Три сосуда изъ повседневнаго употребленія, два креста серебряные, подсвѣчники выносные и малые, лампады, большое паникадило [1]), кадила, блюда, ковши тоже всегда употребляемые — также похитилъ. Не оставилъ никакой утвари, какъ-то евангелій, ризъ и проч. — все истребилъ или сжегъ, какъ свидѣтельствуетъ найденный въ соборѣ на полу свертокъ выжеги»...

Есть свѣдѣніе, что Наполеонъ при себѣ приказывалъ обдирать ризы съ образовъ въ Успенскомъ соборѣ.

«Все было разграблено, разрушено въ соборѣ», говоритъ кн. Шаховской, первымъ вошедшій въ него по оставленіи французами Москвы. «Рака св. митрополита Филиппа не существовала, а мы, собравъ обнаженныя отъ одежды и самаго тѣла остатки его, положили на голый престолъ придѣла.

«Гробница надъ бывшими еще подъ спудомъ мощами митрополита Петра была совершенно ободрана, крыша сорвана, могила раскопана... Въ соборѣ отъ самаго купола, кромѣ принадлежащаго къ ракѣ Св. Іоны, не осталось ни лоскутка металла, ни ткани. Досчатыя надгробія могилъ московскихъ архипастырей были обнажены, но одно только изъ нихъ изрублено, а именно патріарха Гермогена» [2]) . . . .

. . . .

«Въ Архангельскомъ соборѣ грязнилось вытекшее изъ разбитыхъ бочекъ вино (тутъ была устроена кухня для Императора), была разбросана рухлядь изъ дворцовъ». Въ числѣ этой рухляди, очевидно, въ насмѣшку и поруганіе, поставлены были манекены и чучела изъ Оружейной Палаты.

Въ Успенскомъ же соборѣ Наполеонъ, пожелавшій видѣть архіерейскую службу, заставилъ священника Новинскаго монастыря Пылаева отслужить литургію въ архіерейскомъ облаченіи, за что наградилъ его потомъ камилавкой (!).

Между другими вещами былъ снятъ и увезенъ крестъ Ивана Великаго 3-хъ саженъ вышиною, обитый серебряными вызолоченными листами, только за годъ передъ тѣмъ перезолоченный съ главою, что стоило 60.000 рублей,

Этимъ крестомъ Наполеонъ хотѣлъ украсить куполъ дома Инвалидовъ, но при разгромѣ отступленія крестъ, по однимъ свѣдѣніямъ, утопили въ Семлевскомъ озерѣ [3]), по другимъ — бросили за Вильною.

---

[1]) Знаменитое серебряное паникадило, пожертвованное бояриномъ Морозовымъ въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича.

[2]) Князь Шаховской приводитъ догадку, что это ожесточеніе противъ памяти великаго патріота народнаго движенія 1612 года указываетъ на хозяйничаніе поляковъ.

[3]) Въ этомъ озерѣ было утоплено столько драгоцѣнностей, похищенныхъ въ Москвѣ, что интересно знать, были ли дѣланы своевременно поиски въ мѣстахъ, прилегающихъ къ большой дорогѣ? Никакихъ свѣдѣній объ этомъ не удалось найти.

IV.

Въ Кремлѣ—пожаръ!

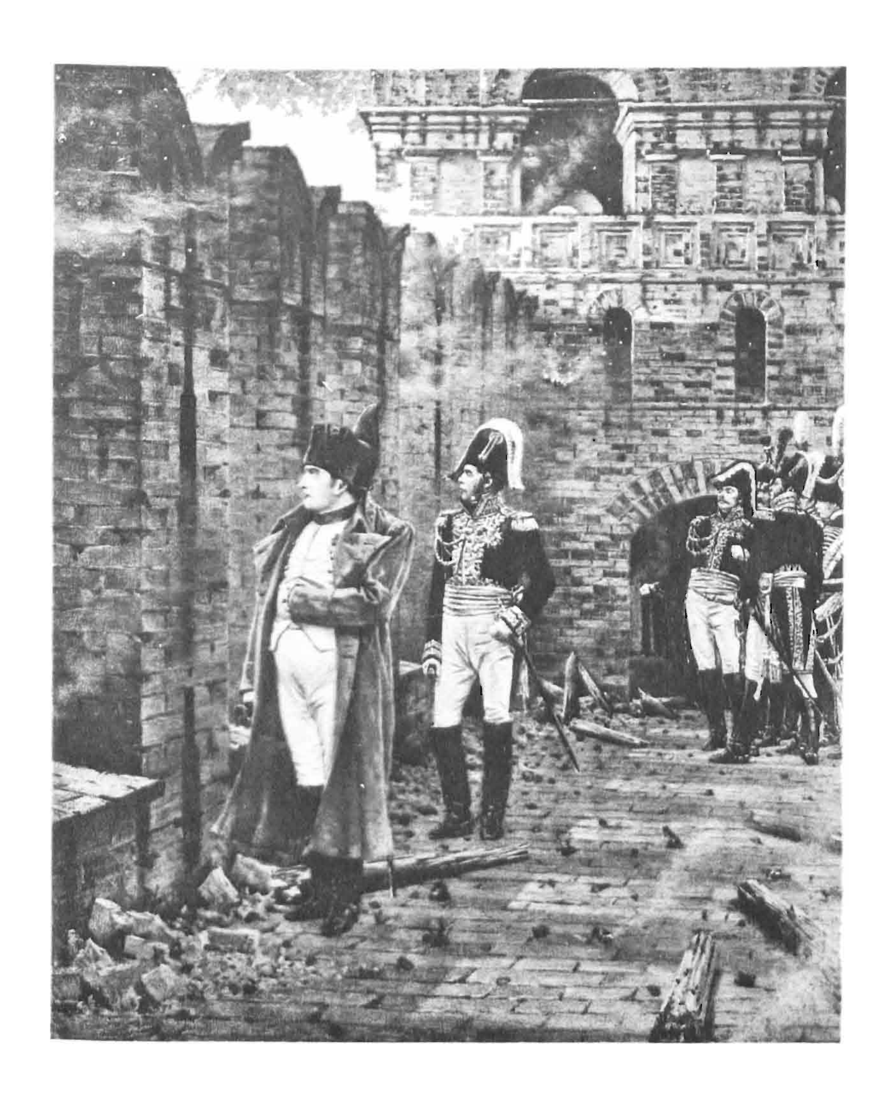
Пожары въ Москвѣ начались въ первую же ночь по оставленіи города нашими войсками. Когда Наполеонъ въѣхалъ въ Кремль, уже сильно горѣли москательныя и масляныя лавки, Зарядье, Балчугъ и занимался Гостиный дворъ на Красной площади.

Маршалъ Мортье если не совсѣмъ потушилъ пожаръ, то значительно ослабилъ силу огня, угрожавшаго Кремлю. Но на слѣдующій день пламя снова стало распространяться во всѣ стороны, съ такой невѣроятной быстротой, что все Замоскворѣчье занялось. Четыре ночи, говоритъ очевидецъ, не зажигали свѣчей, было свѣтло какъ въ полдень!

Порывы сѣверо-восточнаго вѣтра нѣсколько разъ снова обращали огонь къ Кремлю, въ который какъ нарочно были свезены подвижной пороховой магазинъ и всѣ боевые снаряды молодой гвардіи. Понятно, какая тревога стояла тамъ!

Пожаръ Замоскворѣчья, разстилавшійся прямо передъ дворцомъ, представлялся взволнованнымъ огненнымъ моремъ и производилъ поразительное впечатлѣніе: Наполеонъ нигдѣ не находилъ себѣ мѣста, быстрыми шагами перебѣгалъ онъ дворцовыя комнаты; движенія его обличали страшную тревогу... Онъ выходилъ для наблюденія на кремлевскую стѣну, но жаръ и головешки отъ Замоскворѣцкаго огня принудили его удалиться. Лицо его было красно, покрыто горячимъ пòтомъ.

Въ своихъ бюллетеняхъ Наполеонъ утверждалъ потомъ, что пожаръ Москвы былъ задуманъ и приготовленъ Растопчинымъ, но это совершенно невѣрно: такъ какъ половина оставшагося въ Москвѣ люда были сбродъ, бродяги, то не невозможно, что они старались о распространеніи пожаровъ, но при этомъ опредѣленнаго плана сжечь Москву не было. Если, съ одной стороны, многіе русскіе держались того мнѣнія, что лучше сжечь добро, чѣмъ уступить врагу, и дѣйствительно зажигали свои дома, то, съ другой стороны, и непріятельскіе солдаты, ходившіе для грабежа по домамъ съ лучинами, огарками, факелами и за-

Въ Кремлѣ пожаръ!
Съ картины В. В. Верещагина.

жигавшіе на дворахъ костры, очевидно, не принимали никакихъ предосторожностей; въ такихъ условіяхъ на $^3/_4$ деревянный городъ долженъ былъ сгорѣть — и онъ запылалъ.

Великъ долженъ былъ быть ужасъ Наполеона при видѣ этого необыкновеннаго пожара: обративъ всѣ свои усилія на Москву и надѣясь взятіемъ ея поразить Россію въ самое сердце, онъ съ болью въ душѣ слѣдилъ за тѣмъ, какъ Москва превращается въ груды камней и золы, которыми русскіе, конечно, уже не будутъ дорожить...

Ночью же въ день вступленія въ Москву начался и грабежъ города. Вѣсть о томъ, что Москва полна богатствъ, которыя расхищаются, съ быстротою молніи облетѣла всѣ лагери, и когда возвратились первые грабители съ ношами вина, рома, сахара и разныхъ дорогихъ вещей— сдѣлалось невозможно удержать солдатъ: котлы остались безъ огня и кашеваровъ, посланные за водою и дровами не возвращались, убѣгали изъ патрулей. Добыча была такъ велика, что ею начали соблазняться сами офицеры, даже генералы...

Особенно свирѣпствовали нѣмцы Рейнскаго союза и поляки: съ женщинъ срывали платки и шали, самыя платья, вытаскивали часы, табакерки, деньги, вырывали изъ ушей серьги... Баварцы и виртембергцы первые стали вырывать и обыскивать мертвыхъ на кладбищахъ. Они разбивали мраморныя статуи и вазы въ садахъ, вырывали сукно изъ экипажей, обдирали матеріи съ мебели... Французы были сравнительно умѣренны и временами являли смѣшные примѣры соединенія вѣжливости и своевольства: забравшись, напримѣръ, по разсказу очевидца, въ одинъ домъ, гдѣ лежала женщина въ родахъ, они вошли въ комнату на цыпочкахъ, закрывая руками свѣтъ, и, перерывъ все въ комодахъ и ящикахъ, не взяли ничего принадлежащаго больной, но начисто ограбили мужа ея и весь домъ.

Наполеонъ же, рѣшившись, наконецъ, покинуть Кремль, вышелъ изъ него тѣмъ самымъ путемъ, которымъ вошелъ: отъ Каменнаго моста онъ пошелъ по Арбату, заблудился тамъ и, едва не сгорѣвъ, выбрался къ селу Хорошеву; переправившись черезъ Москву-рѣку по плавучему мосту, мимо Ваганьковскаго кладбища, онъ дошелъ къ вечеру до Петровскаго дворца.

V.

Зарево Замоскворѣчья.

На Красной площади, кромѣ рядовъ, горѣла гауптвахта и разныя мелкія постройки, а Замоскворѣчье представляло настоящее огненное море. Зрѣлище было поразительное,—говоритъ очевидецъ,—въ продолженіи 4 сутокъ по ночамъ было такъ же свѣтло, какъ днемъ. Огненныя стѣны улицъ завершались огненнымъ же куполомъ... Сгорѣло 14.000 домовъ.

Зарево Замоскворѣчья.
Съ картины В. В. Верещагина.

Возвращеніе изъ Петровскаго дворца.

Съ картины В. В. Верещагина.

VI.

Возвращеніе изъ Петровскаго дворца.

Съ $^5/_{17}$ сентября пошелъ сильный дождь, который нѣсколько утишилъ пожары, но не прекратилъ ихъ, и когда Наполеонъ возвращался изъ Петровскаго дворца въ Кремль, «къ трону Московскихъ царей», городъ не только дымился еще, но мѣстами и пылалъ.

Бивуаки французскихъ войскъ, окружавшіе Петровскій дворецъ, доходили до Тверскихъ воротъ. По словамъ очевидцевъ, генералы стояли въ зданіяхъ фабрикъ, лошади — въ аллеяхъ. Повсюду горѣли большіе костры, въ которыхъ огонь поддерживался рамами, дверями, мебелью и образами. Вокругъ огней, на мокрой соломѣ, прикрытой досчатыми навѣсами, толпились солдаты, а офицеры, покрытые грязью и закоптѣлые отъ дыма, сидѣли въ креслахъ или лежали на крытыхъ богатыми матеріями диванахъ. Они кутали ноги въ мѣха и восточныя шали, а ѣли на серебряныхъ блюдахъ — черную похлебку изъ конины, съ золой и пепломъ.

Въ городѣ кое-гдѣ виднѣлись уцѣлѣвшіе остатки зданій, и всюду ѣдкая гарь, выходившая изъ грудъ обгорѣлыхъ курившихся развалинъ, наполняла воздухъ. По большей части улицъ трудно было пробираться изъ-за обгорѣлыхъ обломковъ домовъ и выброшенныхъ изъ нихъ мебели и утвари.

Императоръ встрѣчалъ толпы солдатъ, обремененныхъ добычею, или гнавшихъ передъ собою русскихъ, какъ вьючныхъ животныхъ, падавшихъ подъ тяжелыми ношами.

Солдаты разныхъ корпусовъ дрались между собою изъ-за добычи и не повиновались начальникамъ. Большая часть солдатъ была пьяна...

Обыкновенно хладнокровно, съ любопытствомъ и удовольствіемъ осматривавшій поля битвъ, усѣянныя трупами, Наполеонъ врядъ ли испытывалъ то же чувство, когда смотрѣлъ на сожженную, ограбленную Москву и на сцены, въ ней происходившія. Онъ тотчасъ принялъ участіе въ ужасномъ положеніи иностранцевъ, особенно французовъ, жав-

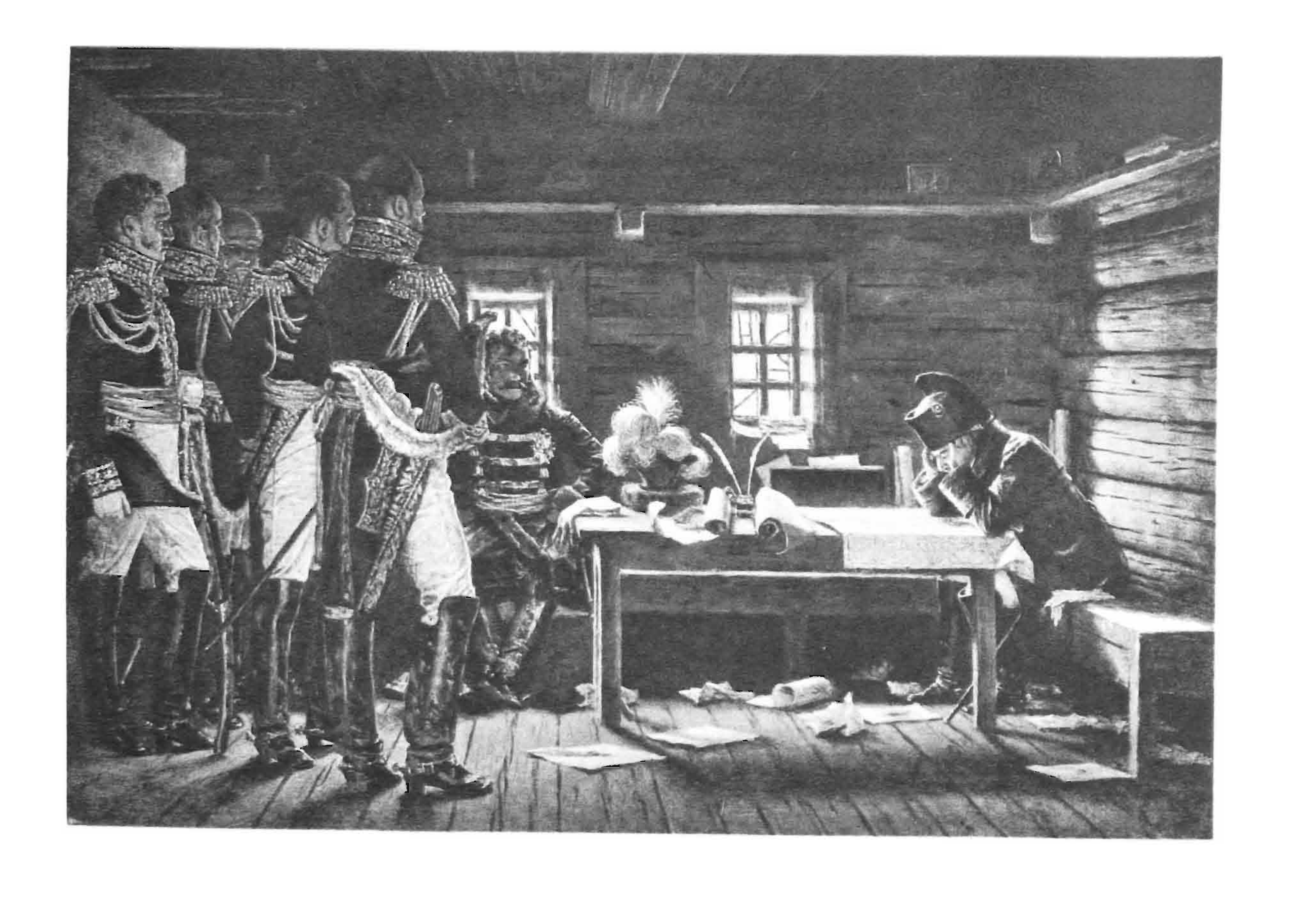
шихся около бивуаковъ, но относительно оборванныхъ, голодныхъ, наподобіе тѣней бродившихъ русскихъ только распорядился немедленно нарядить военный судъ, чтобы безъ жалости разстрѣливать заподозрѣнныхъ въ поджигательствѣ, т.-е., почти всѣхъ выходившихъ изъ своихъ ямъ и погребовъ жителей.

«Однажды я видѣла, — говоритъ одна свидѣтельница,— какъ народъ сбѣгался на площадь и французовъ много шло... Злодѣи притащили нашихъ вѣшать: поджигателей вишь поймали! Одного я узнала: изъ Корсаковскаго дома дворовый слѣпой старикъ. Сбыточно ли было ему поджигать? Ужъ одна нога въ гробу! Хватали — кто подъ руку попался и кричали, что зажигатели. Какъ накинули имъ веревки на шею — взмолились они, сердечные. Многіе изъ нашихъ даже заплакали, а у злодѣевъ не дрогнула рука. Повѣсили ихъ, а которыхъ разстрѣляли, для примѣра, чтобы другіе на нихъ казнились!»

Со слѣдующаго же дня, по возвращеніи Наполеона въ Кремлевскій дворецъ, сдѣлано было распоряженіе прекратить грабежъ, и это было повторено нѣсколько разъ, но безуспѣшно. «Императоръ,—говорилось въ приказѣ, — съ неудовольствіемъ усматриваетъ, что, несмотря на строгое повелѣніе, отданное вчера, грабежъ производится сегодня въ тѣхъ же размѣрахъ...»

«Съ завтрашняго $^{18}/_{30}$ сентября,—говорилось въ одномъ изъ слѣдующихъ приказовъ, — солдатъ, которые будутъ уличены въ грабежѣ, предадутъ военному суду, по всей строгости законовъ...»

Но слова Наполеона сдѣлались уже безсильны: грабежъ все-таки продолжался и скоро вся французская армія обратилась въ тяжело нагруженную добычею, нестройную, недисциплинированную орду...

Въ Городнѣ—пробиваться или отступать?

Съ картины В. В. Верещагина.

VII.

Въ Городнѣ—пробиваться или отступать?

Императорская квартира была въ Боровскѣ, когда Наполеонъ получилъ радостное извѣстіе: «Французская дивизія заняла Мало-Ярославецъ безъ боя, т.-е. предупредила русскихъ на пути въ Калугу».

Весь вечеръ императоръ верхомъ осматривалъ мѣстность влѣво отъ дороги, откуда ждалъ появленія русской арміи, но ея не было и ночь эта была сладка ему.

Однако, на другой день, 24 октября пришло донесеніе: «русскіе подошли, разбили и прогнали изъ города французскую дивизію, на помощь которой долженъ былъ выступить весь корпусъ вице-короля Евгенія; идетъ жаркая битва за обладаніе Мало-Ярославцемъ».

Наполеонъ бросился на одну изъ высотъ и, сильно взволнованный, сталъ прислушиваться. Неужели эти скиѳы предупредили его? Неужели старая лисица Кутузовъ перехитрилъ? Неужели его движеніе запоздало, не удалось, и онъ, Наполеонъ, изъ-за своей медленности оказывается виновникомъ этой неудачи?

Если бы не остановилъ онъ Евгенія на цѣлый день въ Фоминскомъ, тотъ дошелъ бы вѣдь до Мало-Ярославца, а, слѣдовательно, и до Калуги раньше своего противника и планъ былъ бы выполненъ... Непростительно было не принять всѣхъ мѣръ къ быстрѣйшему переходу; надобно было пожечь всѣ тѣ ящики и повозки, которыя не везли самаго необходимаго... Надобно было скорѣе бросить нѣсколько орудій, чѣмъ замедлять изъ-за нихъ движеніе... Нужно было начать съ уменьшенія обоза маршаловъ и его собственнаго... Многое нужно было сдѣлать не такъ, но теперь уже поздно...

Все благопріятствовало ему: и погода замѣчательно хорошая, и состояніе арміи, вышедшей изъ Москвы оправившеюся, отдохнувшею, и самыя ошибки его противника... Все рушится теперь изъ-за его неумѣлости! Это ужасно!

Онъ все прислушивается: шумъ увеличивается, слышенъ залпъ за залпомъ.

«Да это большое сраженіе», говорилъ онъ, хорошо понимая, что теперь дѣло идетъ уже не о славѣ, а о томъ, чтобы удержаться и не погубить армію, не побѣжать.

Когда выстрѣлы начали утихать, онъ вошелъ въ одну изъ избъ деревни Городня, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Мало-Ярославца, чтобы, посовѣтовавшись съ маршалами, рѣшить что предпринять.

Весь вечеръ онъ выслушивалъ донесенія, сводившіяся къ тому, что поле битвы осталось за французами, но что русскіе заняли за городомъ твердую позицію, примыкающую къ лѣсамъ, и спѣшно укрѣпляютъ ее.

Доносили также о томъ, что, повидимому, русскіе намѣрены обойти правое крыло арміи, по Медынской дорогѣ, и, слѣдовательно, придется или отчаянно пробиваться, или отступать.

Въ 11 часовъ вошелъ въ избу маршалъ Бессіеръ, котораго Наполеонъ посылалъ осматривать расположеніе непріятельскихъ силъ, и объявилъ, что «позиціи русскихъ неприступны!»

«О, Боже мой, — воскликнулъ Наполеонъ, скрестивъ руки, — да хорошо ли вы ихъ осмотрѣли? Увѣрены ли вы, ручаетесь ли за то, что говорите?»

Тотъ повторяетъ сказанное и утверждаетъ, что на этой позиціи достаточно отряда въ 300 гренадеръ, чтобы задержать цѣлую армію.

Бессіеръ, а за нимъ и нѣкоторые другіе генералы рѣшаются дать совѣтъ отступить!..

Императоръ выслушиваетъ разныя мнѣнія. Онъ спрашиваетъ графа Лобо: «А ваше мнѣніе?»

«Мое мнѣніе, ваше величество, — отступать кратчайшимъ путемъ и какъ можно скорѣе — чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...»

Наполеонъ, скрестивъ руки на груди, опустилъ голову, да такъ и остался недвижимъ, погруженный въ печальныя мысли: нѣтъ сомнѣнія, его предупредили, перехитрили, — давно задуманное движеніе не удалось и некого винить кромѣ себя самого: еще вчера вѣдь дорога въ Мало-Ярославецъ была свободна, а онъ не занялъ ее, промедлилъ... не счастіе измѣнило ему, а онъ измѣнилъ своему счастію!

И образъ Карла XII, такъ часто поминавшагося въ эту кампанію, ошибку котораго Наполеонъ твердо рѣшился не повторять, невольно представился его воображенію.

Но какъ же это могло случиться?

И, какъ бываютъ въ такихъ случаяхъ провѣрки поступковъ совѣстью, вся исторія дѣла, съ самаго занятія Москвы, быстро прошла передъ нимъ.

Онъ вспомнилъ свой наказъ маршалу Мортье, назначенному военнымъ губернаторомъ города, не позволять ни жечь, ни грабить. «Вы мнѣ отвѣчаете за это головою! Защищайте Москву отъ всего и противъ всего!»

Затѣмъ тоскливая ночь, въ продолженіе которой ходили зловѣщіе слухи о поджогахъ. Онъ былъ разстроенъ всѣмъ этимъ и не могъ найти себѣ покоя. Ежеминутно призывалъ своихъ людей и заставлялъ повторять всѣ слухи; онъ еще надѣялся, что, авось, они не сбудутся, когда въ 2 часа пополуночи пожаръ вспыхнулъ!

Тогда онъ сталъ посылать приказаніе за приказаніемъ, потомъ самъ бросился къ мѣсту пожара, бранился, угрожалъ. Огонь сталъ какъ будто утихать, и онъ возвратился въ Кремль нѣсколько успокоенный; все-таки онъ видѣлъ себя обладателемъ дворца московскихъ царей...

Посмотримъ, — говорилъ онъ, — что предпримутъ теперь русскіе! Если они еще не захотятъ вступить въ переговоры, то надобно взять терпѣніемъ и настойчивостью: зимнія квартиры теперь у насъ есть, и мы покажемъ міру зрѣлище арміи, мирно зимующей среди цѣлаго непріятельскаго народа, какъ судно между льдовъ! Съ начала весны придется возобновить войну. Впрочемъ, Александръ не доведетъ дѣло до этой крайности, — мы сговоримся и онъ заключитъ миръ.»

Повидимому, Наполеонъ все предвидѣлъ и предугадалъ: кровопролитную битву передъ Москвой, долгое пребываніе въ самой Москвѣ, суровую зиму, даже неудачи, но со столицею въ рукахъ и двумя стами пятидесятью тысячъ солдатъ, оставленныхъ у себя въ тылу, въ резервѣ, онъ былъ увѣренъ, что застраховался отъ всѣхъ случайностей.

Но вышло то, чего онъ не предвидѣлъ: громадный невообразимый пожаръ разлился по городу [1]). Казалось, сама земля разверзлась, чтобы выкинуть адское пламя, поднявшееся надъ столицею. Даже теперь жутко было вспомнить, какъ, проснувшись при двойномъ свѣтѣ утра и этого огня, онъ въ первую минуту разсердился, захотѣлъ во что бы то ни стало утишить пожары, однако скоро понялъ, что это невозможно — убѣдился, что чья-то рѣшимость оказалась тверже его собственной.

Это завоеваніе, для котораго онъ всѣмъ пожертвовалъ, которое, какъ какую-то тѣнь, уже догонялъ, схватывалъ, ускользало теперь, исчезало въ вихряхъ огня и дыма, въ трескѣ и грохотѣ валившихся зданій!

Наполеонъ вспомнилъ, какъ, охваченный волненіемъ, онъ не зналъ, за что взяться, что предпринять; ежеминутно садился, вставалъ, снова садился; хватался за какую-нибудь спѣшную работу и опять, бросивши ее, подходилъ къ окнамъ, чтобы слѣдить за пожаромъ: «Такъ, это они! Скиѳы! Столько чудесныхъ построекъ, дворцовъ! Что за рѣшимость, что за люди!»

Оконныя стекла, у которыхъ онъ стоялъ, уже жгли лицо, и люди размѣщенные на крышахъ дворца, едва успѣвали очищать эти крыши отъ сыпавшихся головешекъ. Шелъ слухъ, что подъ Кремль подведены мины, и многіе слуги, даже придворные офицеры, потеряли голову со страха.

Наполеонъ судорожно переходилъ съ мѣста на мѣсто, останавливался у каждаго окна и тоскливо слѣдилъ за тѣмъ, какъ огонь отнималъ у него блестящее завоеваніе и, захватывая всѣ проходы въ Кремль, держалъ его точно въ плѣну, уничтожалъ окружающія постройки и все болѣе и болѣе стягивалъ пылающее кольцо. Императоръ уже сталъ дышать дымомъ и пепломъ!

Неаполитанскій король и принцъ Евгеній прибѣгаютъ къ нему и вмѣстѣ съ Бертье на колѣняхъ умоляютъ уйти, но онъ остается.

Наконецъ, ему доносятъ: «Огонь въ Кремлѣ, схваченъ поджигатель!»... Тогда онъ рѣшается, быстро сходитъ по знаменитому Стрѣ-

---

[1]) См. **1812 годъ.** (Пожаръ Москвы.—Казаки.—Великая армія.—Наполеонъ I). Москва. 1895 г.

лецкому крыльцу и приказываетъ вести себя въ загородный Петровскій дворецъ.

Нужно торопиться: каждую минуту пламя около него усиливается... Онъ спускается къ рѣкѣ, откуда узкая извилистая улица идетъ къ выходу изъ этого ада.

Какъ есть, пѣшій, онъ бросается въ страшный огненный проходъ и идетъ среди треска этого безконечнаго костра, среди грохота рушащихся сводовъ, падающихъ балокъ и раскаленныхъ листовъ желѣза съ крышъ — такія груды всего лежали на пути, что трудно было двигаться. Пламя, уничтожавшее зданія, мимо которыхъ онъ проходилъ, возвышаясь съ обѣихъ сторонъ улицы, сгибалось надъ головою въ настоящую огненную арку; онъ шелъ по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ, между огненными стѣнами!

Все пронизывающій жаръ жегъ руки, которыми приходилось закрываться. Удушливый воздухъ, искры, головни и громадные языки пламени захватывали ему дыханіе, сухое, прерывистое.

Въ этомъ невыразимо отчаянномъ положеніи, когда только одна быстрота могла спасти, проводникъ, видимо заблудившійся, остановился; тутъ бы, вѣроятно и окончилась карьера Наполеона, если бы солдаты, мародеры перваго корпуса, не узнали своего императора, не подбѣжали на выручку и не вывели его на свободное, уже выгорѣвшее мѣсто.

Даже теперь при воспоминаніи объ этихъ тяжелыхъ минутахъ онъ невольно содрогнулся и, несмотря на новую надвигающуюся грозу, на множество устремленныхъ на него глазъ, ждавшихъ его рѣшенія, его слова, не могъ оторваться отъ нити воспоминаній...

Невольно приходило ему на память, какъ на другой день, рано утромъ, взглянувъ на Москву изъ Петровскаго дворца, онъ увидѣлъ, что пожаръ еще усилился и весь городъ представлялъ уже одинъ необъятный столбъ огня и дыма. «Это сулитъ намъ большія, большія бѣды!» — подумалъ онъ тогда.

Страшное усиліе, сдѣланное для того, чтобы захватить Москву, потребовало всѣхъ наличныхъ средствъ; Москва была окончаніемъ всѣхъ замысловъ, цѣлью всѣхъ стремленій и надеждъ, и эта Москва теперь пропадала, улетучивалась. Что предпринять? Онъ недоумѣвалъ, колебался. Онъ, который сообщалъ свои планы самымъ близкимъ людямъ только для безпрекословнаго исполненія, принужденъ былъ теперь совѣтоваться.

Наполеонъ предлагалъ маршаламъ идти на Петербургъ, но они отвѣчали, что время года слишкомъ позднее, дороги дурны, продовольствія нѣтъ, поэтому предпринять этотъ походъ немыслимо. Уговоренный, но не убѣжденный, онъ ни на что не рѣшался, колебался, мучился...

Онъ такъ разсчитывалъ на миръ въ Москвѣ, что даже не заготовилъ настоящихъ зимнихъ квартиръ, и теперь не могъ рѣшиться на новую битву, такъ какъ она открыла бы всю операціонную линію, покрытую больными, ранеными, отсталыми, загроможденную обозами. Самое же главное: онъ не могъ разстаться съ надеждой, для которой столько пожертвовалъ, надеждой, что письмо, посланное имъ Александру,

уже прошло через русскіе аванпосты и, может быть, через какую-нибудь недѣлю он получит желанный отвѣт на его предложеніе мира и дружбы.

Его репутація, его обаяніе были еще не тронуты тогда,—как было не вѣрить в возможность хорошаго исхода!—тогда он еще держался, не отступал, не бѣжал, как приходилось дѣлать теперь!

Под тяжестью воспоминаній обо всем этом Наполеон до того смутился духом, что от него долго не могли добиться ни одного слова; только кивками головы отвѣчал он на самыя настойчивыя напоминанія, требованія приказаній и распоряженій.

Он лег в постель, но не мог сомкнуть глаз и всю ночь то вставал, то снова ложился, призывал, разспрашивал, совѣтовался.

Только-что взошло солнце, он сѣл на лошадь и поѣхал к Мало-Ярославцу. Четыре эскадрона кавалеріи, составлявшіе его обыкновенный конвой, не будучи во время предупреждены, запоздали выѣздом. Дорога была загромождена больничными фурами, зарядными ящиками, каретами, колясками и всевозможными повозками...

Вдруг влѣво показались сначала нѣсколько отдаленных групп, потом цѣлыя массы кавалеріи, от которой с криком без оглядки бросились бѣжать по дорогѣ женщины и разный нехрабрый люд, наводя панику на всѣх встрѣчных...

То были казаки, налетѣвшіе так быстро, что император, не понявшій в чем дѣло, остановился в нерѣшительности. Генерал Рапп быстро схватил его лошадь под уздцы и, повернув назад, закричал: «Спасайтесь! это они!» Наполеон успѣл ускакать, но лошадь Раппа получила такой удар казацкой пикой, что повалилась вмѣстѣ с генералом. Подоспѣвшіе эскадроны конвоя выручили императора со свитою; казаки ускакали так же быстро, как и налетѣли; занявшись грабежом, они не разглядѣли дѣйствительно богатой добычи, попавшейся было им в руки.

Бравый Рапп разсказывал послѣ, что, увидѣв его окровавленную лошадь, Наполеон спросил, не ранен ли он, и на отвѣт: «не ранен, а только ушибся»—принялся хохотать. «Признаюсь,—говорил генерал,—мнѣ было не до смѣха!»

Поле битвы под Мало-Ярославцем оказалось поистинѣ ужасным. Город, до 11 раз переходившій из рук в руки, был стерт с лица земли: различить улицы можно было только по рядам трупов, их устилавших.

На развалинах обгорѣвшаго собора видна еще была надпись: «Конюшня генерала Гильемино».

Поздравив вице-короля с блистательным дѣлом и лично убѣдившись в том, что русскіе с лихорадочною поспѣшностью работали над укрѣпленіем своей позиціи, Наполеон воротился в Городенскую избу, куда за ним послѣдовали Мюрат, принц Евгеній, Бертье, Даву и Бессіер; таким образом, в этой маленькой, темной, грязной избенкѣ собрались один император, два короля, нѣсколько герцогов-маршалов для рѣшенія участи великой арміи, а с нею и Европы.

Посрединѣ избы на лавкѣ сидѣл Мюрат, около него стояли маршалы. В углу за столом, под образами—Наполеон, подпирая ру-

ками голову, скрывая страшную тревогу и нерѣшительность, написанныя на лицѣ. На столѣ — походная чернильница, карта и знаменитая шляпа съ перьями Мюрата; на скамьяхъ — портфель и свертки картъ, на полу — разорванные конверты, обрывки донесеній, докладовъ...

Тяжелое молчаніе воцарилось въ избѣ. Предстояло рѣшить безвыходную задачу: какъ идти къ Смоленску, какимъ путемъ? По калужской ли дорогѣ, пролегавшей еще нетронутыми мѣстами, полными всякихъ запасовъ, но защищенными всею русскою арміей — въ чемъ теперь не было уже сомнѣнія — или черезъ Можайскъ, на Вязьму, по старому выжженному, голодному, зараженному пути?

Долго длилось молчаніе. Наполеонъ давно уже перебралъ въ умѣ всѣ шансы на успѣхъ въ томъ и другомъ случаѣ и не могъ придти ни къ какому заключенію. Глаза его блуждали по разложенной передъ нимъ картѣ и сотый разъ останавливались на главномъ пунктѣ столкновенія обѣихъ армій, но мысли невольно уносились далеко, къ недавно пережитому, къ Москвѣ, къ Александру и своимъ попыткамъ заключить съ нимъ миръ...

Вспоминались униженія, которыя ему пришлось испытать съ этими попытками посылокъ Александру писемъ съ предложеніями дружбы, — писемъ, оставшихся безъ отвѣта...

Подъ впечатлѣніемъ этой обиды онъ снова предлагалъ своимъ маршаламъ сжечь остатки Москвы и идти на Петербургъ; онъ старался воспламенить ихъ воображеніе перспективой величайшаго военнаго подвига. «Подумайте только, какою славою мы покроемся, — говорилъ онъ, — и какъ возвеличитъ насъ міръ, когда узнаетъ, что въ три мѣсяца мы покорили обѣ сѣверныя столицы!» Но маршалы-герцоги снова представили ему, что ни время года, ни состояніе дорогъ, ни запасы провіанта не дозволяютъ предпринять этого тяжелаго похода: «Зачѣмъ идти навстрѣчу зимѣ, которая и такъ уже близка! — говорили они, — что будетъ съ ранеными? Придется бросать ихъ на произволъ Кутузова, который, конечно, пойдетъ слѣдомъ; придется атаковать и защищаться въ одно и то же время, побѣждать и бѣжать!»

Подъ вліяніемъ этихъ унылыхъ, обезкураженныхъ отвѣтовъ онъ взялся снова за первое средство: рѣшился еще разъ испытать силу своего обаянія на Александра и... только еще разъ испыталъ униженіе! Онъ призвалъ къ себѣ Коленкура, который пользовался когда-то дружбою Александра и теперь въ походѣ былъ отдаленъ за открытое, настойчивое неодобреніе всей этой кампаніи: ему онъ рѣшился поручить добиться мира. Гордость, при сознаніи своей неправоты, долго не позволяла императору прервать молчаніе и объявить о цѣли порученія. Наконецъ, онъ рѣшился высказаться: онъ идетъ на Петербургъ, онъ знаетъ, что разореніе этого города огорчитъ Коленкура, долго жившаго въ немъ посломъ... это будетъ большимъ несчастіемъ, такъ какъ поставитъ въ крайнее положеніе императора Александра, характеръ котораго онъ уважаетъ... Для предупрежденія этого онъ и думаетъ послать въ Петербургъ его, Коленкура... что онъ скажетъ?

Упрямый и далеко не куртизанъ, хотя и бывшій посолъ, Коленкуръ прямо объявилъ, что все это совершенно безполезно, такъ какъ Александръ не приметъ никакихъ предложеній и не заключитъ мира, пока

русская земля не будетъ очищена; что Россія, особенно въ это время года, понимаетъ всѣ свои выгоды и всѣ невыгоды непріятеля, что такая попытка принесетъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, такъ какъ выкажетъ стѣсненное положеніе Наполеона и всю необходимость для него мира. Въ этихъ видахъ, чѣмъ значительнѣе будетъ лицо, посылаемое для переговоровъ, тѣмъ яснѣе выкажется безпокойство. Онъ, Коленкуръ, ничего не добьется уже по одному тому, что съ этимъ убѣжденіемъ поѣдетъ...

«Хорошо, я пошлю Лористона», съ досадою прервалъ императоръ.

Но и Лористонъ отказывался, совѣтовалъ вмѣсто всякихъ переговоровъ, не медля ни мало, начать отступленіе, и императору пришлось настаивать, требовать, чтобы онъ ѣхалъ съ письмомъ къ Кутузову, просилъ бы пропуска въ Петербургъ.

Непріятно было вспомнить, какъ Кутузовъ и его генералы сумѣли ловко обмануть Лористона своими любезностями, лестью и желаніемъ будто бы скорѣйшаго окончанія этой ужасной войны, какъ самъ онъ поддался обману и, созвавъ своихъ приближенныхъ, объявилъ о предстоящемъ мирѣ! «Имѣйте терпѣніе ждать еще двѣ недѣли,—говорилъ онъ имъ,—и вы убѣдитесь, что я одинъ знаю натуру русскихъ и Александра—увидите, что, когда въ Петербургѣ получится мое письмо, городъ будетъ иллюминованъ!»

Тяжелыя, истинно унизительныя воспоминанія! Зачѣмъ было такъ хвастать даже и своимъ близкимъ?!

Пока Наполеонъ все это передумывалъ, маршалы перешептывались между собою, наблюдая и не смѣя безпокоить склонившагося надъ картой императора, еще непобѣдимаго, еще непобѣжденнаго, но уже видимо находившагося въ смертельномъ страхѣ за судьбу своей арміи, своего имени, династіи, наконецъ, за судьбу Франціи!

Наполеонъ вспомнилъ еще свои грустныя прогулки по обширному кладбищу, которое представляла тогда Москва. Эти базары награбленныхъ вещей, маскарадъ костюмовъ забывшей всякую дисциплину арміи, ежедневные смотры со щедрыми наградами, очевидно столько же радовавшими, сколько и устрашавшими тѣхъ, кто получалъ ихъ.

Вспоминалъ безсонныя ночи, въ продолженіе которыхъ онъ открывалъ свою душу одному изъ приближенныхъ, графу Дарю, и межъ четырехъ глазъ откровенно сознавался въ безвыходности положенія: у него хватило проницательности, вскорѣ послѣ поѣздки Лористона, распознать истинное положеніе дѣлъ.

Наполеонъ сознавался, что въ этой дикой странѣ онъ не покорилъ ни одного человѣка и владѣлъ только тѣмъ клочкомъ земли, который въ данную минуту былъ у него подъ ногами, что онъ чувствовалъ себя просто поглощеннымъ громадными необъятными пространствами Россіи... Сознавался, что онъ медлитъ начать отступленіе, потому что не рѣшается показать Европѣ, будто онъ бѣжитъ изъ Россіи—боится нанести первый ударъ обаянію своей непобѣдимости!

Теперь ему было ясно, что здѣсь, какъ и въ Испаніи, неприложимо было постоянное правило его политики: никогда не отступать, никогда не сознаваться открыто въ сдѣланной ошибкѣ, какъ бы велика она ни была, а настойчиво идти далѣе.

Онъ понималъ, что ему нечего разсчитывать на Пруссію; видѣлъ, что и на Австрію нельзя полагаться. Понялъ, наконецъ, что Кутузовъ прямо обманываетъ его, и все-таки ни на что не рѣшался, такъ какъ не находилъ никакой возможности ни оставаться, ни отступать, ни идти впередъ и драться съ надеждою на успѣхъ!

За время этихъ сомнѣній и колебаній онъ старался и себя и другихъ мирить съ совершившимся: «Потеря Москвы, конечно, была несчастіемъ,—разсуждалъ онъ,—но, съ другой стороны, она была и событіемъ выгоднымъ, такъ какъ, владѣя Москвой, трудно было бы поддерживать порядокъ въ городѣ съ 300,000 фанатическаго населенія и спать въ Кремлѣ спокойно. Правда, отъ Москвы остались однѣ развалины, но зато живя въ нихъ нечего было тревожиться. Конечно, пропадаютъ милліоны контрибуцій, но сколько же милліардовъ теряетъ Россія: ея торговля разорена на цѣлое столѣтіе и развитіе всей націи отодвинуто на доброе полъ-столѣтіе — результатъ не малый! Когда возбужденіе русскихъ пройдетъ и настанетъ время разсудка, они ужаснутся! Безъ сомнѣнія, такой ударъ поколеблетъ самый тронъ Александра и заставитъ его просить мира!»

Теперь, въ виду совершившагося,—полученнаго толчка подъ Тарутинымъ, оставленія Москвы и безвыходной остановки передъ Мало-Ярославцемъ, впервые онъ понялъ, что нужно, наконецъ, не разсуждая и не обманывая болѣе себя, отступать, отступать и отступать!

Неловкое тягостное молчаніе было прервано Мюратомъ, давно уже проявлявшимъ знаки нетерпѣнія: «Пусть,—сказалъ онъ,—укоряютъ меня сколько хотятъ въ неосторожности, но такъ какъ стоять на мѣстѣ нельзя, а идти назадъ — опасно, то остается одно: атаковать! Что же, что русскіе засѣли около дороги, въ лѣсахъ и за укрѣпленіями; пусть ему дадутъ остатки кавалеріи — онъ берется прорвать, прорѣзать непріятельскіе ряды и пробиться въ Калугу.»

Но Наполеонъ сразу осадилъ этотъ пылъ замѣчаніемъ, что довольно сдѣлано для славы, теперь надобно думать только о томъ, чтобы спасти остатки арміи.

Бессіеръ, чувствуя за собою могущественную поддержку, замѣтилъ, что для такого отчаяннаго усилія, какое предлагаетъ Мюратъ, въ обезсилѣвшихъ остаткахъ кавалеріи не хватитъ удали: войска видятъ вѣдь недостатокъ перевозочныхъ средствъ и понимаютъ, что въ этихъ условіяхъ всякая рана отзовется смертью или плѣномъ... Войска пойдутъ безъ энергіи! и куда пойдутъ? На позиціи прямо неприступныя! На какого непріятеля?—Довольно взглянуть на вчерашнее поле битвы, чтобы убѣдиться въ храбрости русскихъ: только-что обученные солдаты ихъ прямо лѣзутъ на смерть... Бессіеръ кончилъ свою рѣчь совѣтомъ отступать, съ чѣмъ императоръ, судя по его молчанію, не прочь былъ согласиться.

Тогда маршалъ Даву объявляетъ, что ужъ если рѣшено отступать, а не наступать, то пусть идутъ къ Смоленску черезъ Медынь...

Но Мюратъ съ живостью перебиваетъ и, по старой ли, непримиримой ненависти къ маршалу, или потому, что его собственный планъ отвергнутъ, спрашиваетъ: не задался ли Даву цѣлью вконецъ погубить армію, совѣтуя тащить ее со всѣми тяжестями по проселкамъ, безъ проводниковъ, имѣя Кутузова на флангѣ? Ужъ не онъ ли, мар-

шалъ Даву, проведетъ армію и защититъ ее? Да и къ чему это, когда для отступленія у нихъ готовый путь на Боровскъ и Можайскъ? Дорогою этою они шли, она имъ хорошо извѣстна, на ней нельзя заблудиться, да и провіантъ долженъ быть теперь по ней вездѣ заготовленъ.

Едва сдерживая гнѣвъ, Даву отвѣчаетъ, что онъ предлагаетъ отступать по пути еще не тронутому, полному всякаго добра, черезъ невыжженныя селенія, въ которыхъ солдаты найдутъ закрытія отъ стужи и непогодъ, вдобавокъ, по пути кратчайшему, такъ что опасности быть отрѣзаннымъ отъ Смоленска не будетъ. Какой же путь предлагаетъ вмѣсто него Мюратъ? Пустыню, песокъ съ пепломъ, на которомъ все заняли и загромоздили транспорты съ ранеными, гдѣ ничего не встрѣтишь кромѣ крови и развалинъ, мертвечины, заразы и голода! Онъ, Даву, предлагаетъ этотъ путь потому, что считаетъ себя обязаннымъ дать совѣтъ императору, спрашивающему его объ этомъ; императоръ, если не желаетъ слушать, можетъ заставить его замолчать; но ужъ, конечно, не заставитъ его молчать Мюратъ, хоть и государь, но не его государь, и который навѣрное никогда имъ не будетъ!

Неизвѣстно, до чего дошла бы ссора, если бы Бессіеръ и Бертье не уговорили и не розняли ссорившихся. Императоръ сидѣлъ все это время неподвижно, въ той же позѣ, наклонившись надъ картою и, повидимому, не обращая вниманія на этотъ крикъ и шумъ; въ сущности, онъ все слышалъ, хотя мысли его и продолжали носиться въ прошломъ.

Досадно, невыразимо досадно было ему то, что столько времени потрачено въ Москвѣ даромъ. Даже когда выпалъ первый снѣгъ, онъ, нѣсколько встряхнувшись отъ своей летаргіи, все еще медлилъ. Думалъ ли онъ, дѣйствительно, устрашить непріятеля, показывая видъ, что хочетъ зимовать въ Кремлѣ? И эти затѣи укрѣпить Кремль, втащивши 300 орудій на его стѣны, открыть театръ, выписать изъ Парижа актеровъ и т. д.?

И чѣмъ онъ занимался? По цѣлымъ часамъ сидѣлъ, полулежалъ, съ книжкой новаго романа въ рукѣ или съ листкомъ новыхъ, въ честь его сложенныхъ въ Парижѣ стиховъ [1]), о достоинствахъ которыхъ подолгу разсуждалъ съ приближенными... Цѣлые три дня писалъ уставъ Comédie Française, засиживался за обѣденнымъ столомъ,—чего прежде никогда не бывало,—какъ бы ища возможности забыться, отрѣшиться отъ неотвязныхъ мыслей, забѣгавшихъ впередъ, искавшихъ разрѣшенія... Онъ опустился и еще потолстѣлъ за этотъ ужасный мѣсяцъ вынужденнаго бездѣйствія! Какъ онъ ни скрывалъ свое смущеніе ото всѣхъ, приближенные видѣли страшную борьбу, въ немъ происходившую; недаромъ по утрамъ, па выходахъ, онъ чувствовалъ, какъ пронизывали его ихъ пытливые взгляды, замѣчавшіе блѣдность, усталость, слѣды безсонныхъ ночей, отрывочную рѣзкость его рѣчи, часто переходившую въ нетерпѣливыя выходки, даже брань... Наконецъ, разъ уже рѣшившись, какъ онъ выразился, «приблизиться къ своимъ зимнимъ квартирамъ» или попросту уйти изъ Москвы и Россіи, онъ опять-таки медлилъ: шелъ тихо, жалѣя обозовъ и награбленнаго солдатами добра, щадя свою артиллерію...

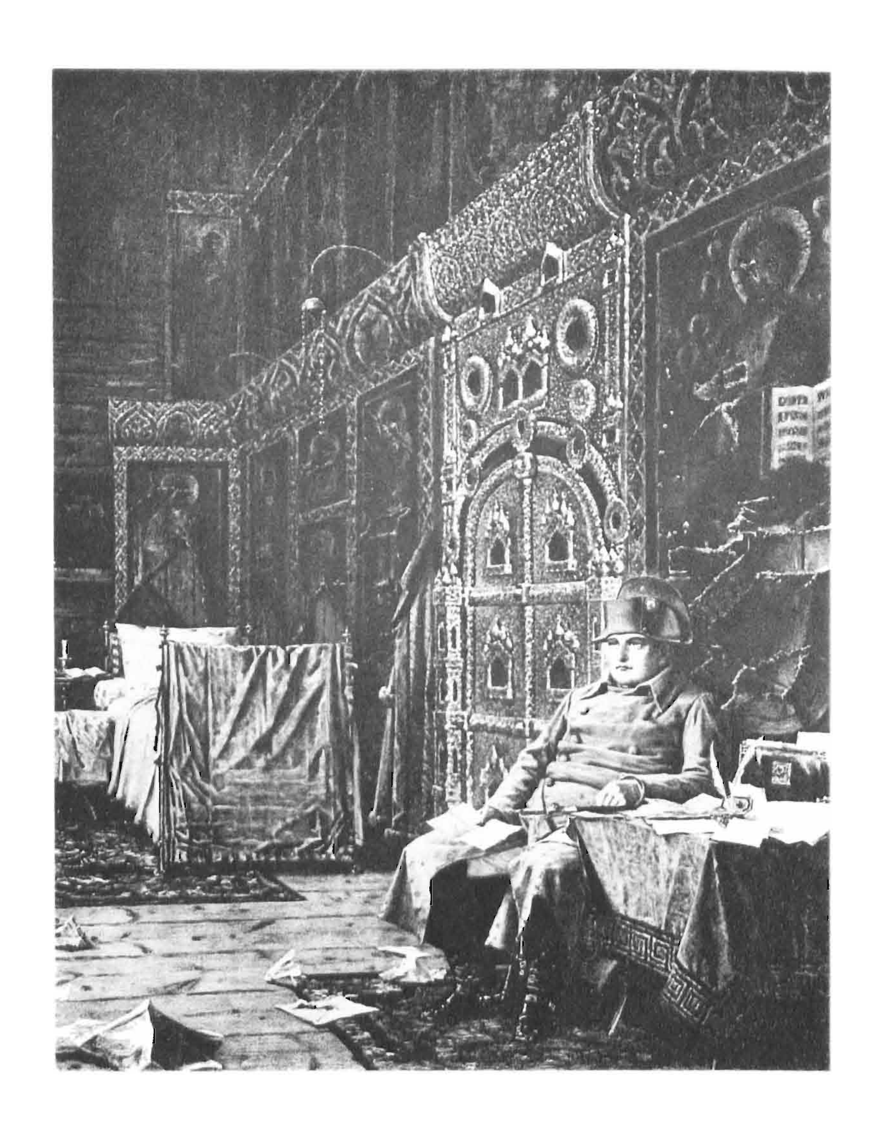
[1]) См. **1812 годъ.** Москва. 1895 г.

Теперь нечего больше разсуждать, надобно дѣйствовать, т.-е. бѣжать и бѣжать...

Онъ поднялъ голову, оглядѣлъ смущенныя лица своихъ старыхъ боевыхъ товарищей и медленно произнесъ: «Хорошо, господа; я распоряжусь»...

И онъ рѣшился отступить, повести армію по старому пути, какъ наиболѣе удалявшему его отъ русской арміи, но это рѣшеніе обошлось не легко: съ нимъ сдѣлался продолжительный обморокъ...

На дорогѣ у бивуачнаго огня Наполеонъ продиктовалъ начальнику штаба приказъ отступленія: «Мы шли, — сказано было въ этомъ приказѣ, чтобы атаковать непріятеля... но Кутузовъ отступилъ передъ нами... и императоръ рѣшилъ повернуть назадъ».

На этапѣ—дурныя вѣсти изъ Франціи.

Съ картины В. В. Верещагина.

VIII.

На этапѣ—дурныя вѣсти изъ Франціи.

На одномъ изъ переходовъ, когда русская зима заявила о себѣ снѣжной бурей, къ императору быстро подошелъ графъ Дарю, и цѣпь часовыхъ немедленно окружила ихъ. Эта таинственность возбудила въ лицахъ главной квартиры не только любопытство, но и безпокойство за общую судьбу.

Эстафета, первая за шесть дней, принесла извѣстіе о заговорѣ Маллэ, задуманномъ въ самомъ Парижѣ, въ тюрьмѣ, темною личностью, малоизвѣстнымъ генераломъ. Единственными серіезными помощниками заговорщика въ этомъ дѣлѣ были: извѣстіе о гибели великой арміи и поддѣльный приказъ объ арестѣ министра, префекта полиціи и коменданта города.

Все задуманное наполовину исполнилось, благодаря хорошо направленному толчку съ одной стороны, невѣдѣнію, общей апатіи и удивленію—съ другой.

Императоръ узналъ сразу и о преступленіи и о казни преступниковъ и сказалъ, обращаясь къ Дарю: «Ну что! Хороши бы мы были, если бы остались зимовать въ Москвѣ!»—мѣра, которую Дарю рекомендовалъ, будучи въ Кремлѣ.

Наполеонъ не показалъ передъ всѣми ни безпокойства, ни негодованія, но они съ лихвою вылились наружу, когда онъ остался съ близкими ему лицами; тутъ онъ разразился удивленіемъ, досадой и гнѣвомъ.

Еще тяжелѣе сдѣлалось ему, когда онъ остался наединѣ съ самимъ собою, съ мыслями, давно уже не дававшими ему покоя. Что скажетъ Европа? Какъ она порадуется недостатку стойкости его хваленыхъ новыхъ учрежденій и недостатку гражданскаго мужества лицъ, составлявшихъ опору государства!

Неужели эра революцій и переворотовъ еще не закончилась во Франціи, неужели его родство съ цесарскимъ домомъ, для котораго онъ

принесъ столько жертвъ, считается ни во что? Неужели его сынъ, надежда, опора государства, считается настолько несерiезнымъ, что мысль о немъ даже не приходитъ никому въ голову въ опасную и рѣшительную минуту?..

Главная квартира расположилась въ этотъ день близъ почтовой станцiи, и императоръ занялъ маленькую сельскую церковь, обнесенную оградой. Походная кровать съ принадлежностями туалета плохо гармонировала съ убранствомъ стараго храма, позолоченными славянскими орнаментами и ликами Христа, Богоматери и Святыхъ, угрюмо, укоризненно смотрѣвшихъ на необычную для святого мѣста обстановку, безцеремонно расположившагося между ними пришельца. Образъ Христа, какъ и всѣ другiе, былъ порубленъ, изорванъ и всячески обруганъ прошедшимъ здѣсь солдатствомъ; лишь уцѣлѣвшiй глазъ святого лика какъ бы изрекалъ приговоръ всей сценѣ...

День быстро склонялся къ вечеру; многiе изъ старшихъ начальниковъ армiи ожидали возможности войти къ императору, но не смѣли сдѣлать этого безъ зова; кипы нужныхъ бумагъ, лежавшихъ на столѣ, ждали разсмотрѣнiя и рѣшенiя, но онъ неподвижно сидѣлъ, не выпуская изъ рукъ листа эстафеты, погруженный въ тяжелую неисходную думу...

Очевидно, разсуждалъ онъ, во Францiи не хотятъ меня больше — ну, что жъ! пусть выберутъ другого; посмотримъ, лучше ли онъ распорядится...

Но какъ могъ онъ самъ дойти до этого положенiя?

Что сдѣлалось съ Александромъ? Что довело этого добродушнаго человѣка до такого озлобленiя?

Правда, Нарбонъ уже въ Дрезденѣ, по прiѣздѣ изъ Вильны, говорилъ, что царь безъ хвастовства, но и безъ слабости остается непоколебимымъ въ принятомъ рѣшенiи; но все-таки нельзя было ожидать ненависти, сказавшейся въ прокламацiяхъ и манифестахъ Александра.

Уже съ начала похода приходилось скрывать отъ армiи эти русскiе манифесты: такъ они были полны самыхъ злыхъ, ядовитыхъ обвиненiй, направленныхъ лично противъ него, Наполеона. Приходилось обманывать солдатъ, представлять русскую армiю деморализованною, готовою разбѣжаться, и русскаго императора то убитымъ своими недовольными подданными, то бѣглецомъ, вымаливающимъ у Сената помощь и прощенiе за свое бѣгство... А между тѣмъ чего бы онъ не далъ, чтобы войти опять въ прямыя и непосредственныя сношенiя съ этимъ бѣглецомъ! И въ Дрезденѣ, и въ Витебскѣ, и даже въ Смоленскѣ онъ ждалъ какого-нибудь хоть самаго ничтожнаго сообщенiя отъ своего противника. Какъ раскаивался онъ теперь въ томъ, что такъ высокомѣрно отнесся къ послѣдней мирной попыткѣ Александра — присылкѣ Балашева, важности которой онъ не понялъ: очевидно, это были послѣднiя слова мира и дружбы передъ великимъ смертельнымъ разрывомъ, послѣ котораго русскiй императоръ наложилъ молчанiе на свои уста: не только не заговаривалъ болѣе, но и не отвѣчалъ.

При невозможности начать переговоры лично Наполеонъ закидывалъ удочку черезъ Бертье, который писалъ Барклаю-де-Толли: «Императоръ поручилъ мнѣ просить васъ засвидѣтельствовать его почтенiе императору Александру. Скажите ему, что ни превратности войны и

ничто другое не въ состояніи уменьшить чувства дружбы, которое онъ къ нему питаетъ». Вспомнилось потомъ, какъ онъ опять пробовалъ счастія въ Москвѣ, черезъ бѣднаго старика Тутолмина, не помнившаго себя отъ страха во время аудіенціи, на которую его притащили. Онъ потратилъ даромъ время на краснорѣчіе, втолковывая этому чиновнику, что миръ легко будетъ заключенъ, если между нимъ и Александромъ не будетъ интригъ, о чемъ и просилъ намекнуть въ своемъ донесеніи; бѣдный старикъ, конечно, обѣщалъ все возможное и невозможное, чтобы только поскорѣе улизнуть отъ приливовъ императорскаго гнѣва, противъ воли выливавшагося во время разговора.

Еще непріятнѣе было вспоминать попытку возложить мирную миссію на Яковлева, русскаго барина, захваченнаго на выѣздѣ изъ Москвы. Цѣлыхъ два часа онъ объяснялъ свои виды и намѣренія этому смѣшному господину, обокраденному солдатами и представшему передъ нимъ во фракѣ своего камердинера. Правда, импровизированный посолъ далъ слово лично доставить письмо своему Государю, но вѣдь и онъ со страха и желанія урваться изъ-подъ ареста давалъ, вѣроятно, обѣщанія безъ надежды ихъ исполнить.

А жаль! Доводы Наполеона были неотразимы, и услышь ихъ только русскій императоръ—онъ, навѣрное, сдался бы на силу ихъ справедливости и искренности. «Пусть Александръ только изъявитъ желаніе вести переговоры,—говорилъ онъ, — я готовъ его выслушать. Я подпишу миръ въ Москвѣ, какъ я подписывалъ его въ Вѣнѣ, Берлинѣ... Не затѣмъ же я пришелъ сюда, чтобы остаться. И не слѣдовало бы мнѣ здѣсь быть, и я не былъ бы здѣсь, если бы не принудили меня къ тому. Поле битвы, на которомъ война должна была рѣшиться, было въ Литвѣ. Зачѣмъ было переносить его въ глубь страны?»

«Если бы Александръ сказалъ хоть одно слово, я остановился бы у воротъ Москвы, поставилъ бы войска мои бивуакомъ, не доходя предмѣстьевъ, и объявилъ бы Москву вольнымъ городомъ! Этого слова я дожидался нѣсколько часовъ и, признаюсь, желалъ его. Первый шагъ Александра только доказалъ бы, что въ глубинѣ его сердца осталось еще немного привязанности ко мнѣ. Я оцѣнилъ бы это, и миръ былъ бы тотчасъ заключенъ между нами безъ всякихъ посредниковъ; онъ сказалъ бы мнѣ, какъ въ Тильзитѣ, что его жестоко обманули на мой счетъ, и все было бы сейчасъ же забыто!“

Возможно ли, чтобы эти великодушныя слова и намѣренія не нашли себѣ отклика въ сердцѣ Александра!

На письмо, посланное съ Яковлевымъ, тоже не было отвѣта, и теперь самыя воспоминанія объ этихъ письмахъ и о всѣхъ изліяніяхъ передъ людьми безъ авторитета, безъ всякаго права на такую интимность, были тяжелы...

Ему вспомнились прежнія сношенія съ Александромъ, представилась самая фигура этого молодого энтузіаста, какимъ онъ его помнитъ въ Тильзитѣ; тамъ они увѣряли другъ друга въ дружбѣ, соперничали въ предупредительности; Александръ охотно подчинялся его уму, опытности, генію и громко объявилъ, что «дружба великаго человѣка есть даръ боговъ!» Что же случилось съ тѣхъ поръ непоправимаго, чего нельзя было уладить переговорами, обоюдными уступками? Что заставило на-

чать эту войну, противъ совѣтовъ всѣхъ лучшихъ людей, противъ голоса своей собственной совѣсти и противъ интереса Франціи, по его искреннему убѣжденію, бывшей не въ состояніи вести сразу двѣ такія войны, какъ испанская и русская.

Напрасно онъ искалъ какого-либо серіознаго, существеннаго государственнаго интереса, изъ-за котораго стоило бы бросить мечъ на чашку вѣсовъ — всплывало въ памяти лишь двѣ причины: одна, отдаленная, почти зажившая уже рана обиды на непринятіе его, Наполеона, тогда, въ 89 году, еще поручика, въ русскую службу. Напрасно представлялъ онъ начальнику русской Средиземной экспедиціи, что, какъ подполковникъ національной гвардіи, онъ имѣлъ право просить чинъ маіора въ молодой русской арміи: ему отказали, — тѣмъ хуже для нихъ! — Другая — недавняя, свѣжая — чувство смертельной личной обиды за отказъ въ сватовствѣ: ему, Наполеону, отказали въ рукѣ Анны и еще вслѣдъ за тѣмъ, какъ нарочно, сосватали ее за какого-то нѣмецкаго князька!.. Ему, когда онъ готовъ былъ на всевозможныя политическія и семейныя уступки! Когда онъ прямо объявлялъ, что даже рознь въ религіозномъ исповѣданіи не составитъ затрудненія! Середины не должно было быть: или немедленное согласіе въ случаѣ желанія породниться съ нимъ, или отказъ при нежеланіи, и онъ потребовалъ отвѣта черезъ 48 часовъ! Какъ было поступить иначе? Не представлять же влюбленнаго, не ухаживать, не вымаливать согласія какъ милостыни — это было бы недостойно его и какъ человѣка, и какъ императора Франціи, повелителя Запада! Онъ былъ только дальновиденъ въ этомъ требованіи немедленнаго отвѣта, такъ какъ вмѣсто согласія у него выпрашивали четыре раза по десятидневной отсрочкѣ, пока не стало, наконецъ, ясно, что Александръ не можетъ или не хочетъ быть главою въ своей семьѣ, пока не начали въ обществѣ шептаться и смѣяться... какой срамъ!

Неужели же, однако, это было прямою и непосредственною причиной войны? Неужели теперешняя безчеловѣчная рѣзня была бы избѣгнута, если бы Анна стала его женою и поселилась въ Тюльери?

Неужели онъ до такой степени позволилъ самолюбію и гордости овладѣть собою?

На вопросы эти совѣсть его отвѣчала: да, да!

Будто же не было другихъ обидъ?.. Нѣтъ!

Ужели не было между обѣими странами какихъ-нибудь непримиримыхъ интересовъ, неразрѣшимыхъ недоразумѣній? Нѣтъ! И какія-то несоблюденія какихъ-то статей трактата, и какіе-то англійскіе товары и самая запальчивая письменная полемика его съ Александромъ были только предлогами...

Но вѣдь это просто ужасно!..

Шумъ въ дверяхъ церкви заставилъ его вздрогнуть и очнуться: встревоженный Бертье вошелъ безъ доклада, съ депешами, рискуя лишній разъ навлечь на себя гнѣвъ повелителя, подъ вліяніемъ бѣдствій, въ послѣднее время такъ часто на него обрушивавшійся; но противъ ожиданія Наполеонъ принялъ начальника штаба ласково: онъ радъ былъ избавиться отъ одиночества, отъ страшнаго душевнаго кошмара воспоминаній и угрызеній совѣсти.

На большой дорогѣ—отступленіе, бѣгство...

Съ картины В. В. Верещагина.

IX.

На большой дорогѣ — отступленіе, бѣгство...

Съ наступленіемъ холодовъ Наполеонъ ѣхалъ въ каретѣ, прекрасно устроенной для дневныхъ и ночныхъ занятій, герметически закупоренной, наполненной мѣхами. Но отъ Смоленска онъ шелъ больше пѣшкомъ, одѣтый въ длинную бархатную соболью шубу, съ золотыми бранденбургами, въ мѣховую же шапку съ наушниками и теплые сапоги. Онъ уходилъ изъ Краснаго. Стоялъ морозъ. Свѣже-выпавшій снѣгъ нѣсколько прикрылъ страшный безпорядокъ Смоленской дороги, по сторонамъ которой валялись тысячи повозокъ, зарядныхъ ящиковъ, орудій, труповъ людей и лошадей.

Главная квартира вся въ шубахъ, съ поднятыми воротниками, тащилась за императоромъ, унылая, молчаливая; улыбка пропала съ устъ самыхъ рьяныхъ куртизановъ.

Наполеонъ шелъ нѣсколько впереди другихъ, опираясь на свою березовую палочку, задумчивый, грустный, хотя видимо желавшій казаться твердымъ и равнодушнымъ.

Не далѣе какъ вчера подъ Краснымъ онъ имѣлъ случай видѣть всю свою армію, такъ какъ эти жалкіе остатки когда-то перваго войска въ мірѣ всѣ, въ полномъ составѣ, протащились мимо него. Видѣлъ и ужаснулся! Приближенные слышали, какъ всю эту ночь онъ жаловался на то, что состояніе его бѣдныхъ солдатъ «раздираетъ ему душу», что «сердце его обливается кровью при видѣ ихъ»...

Положеніе начинало дѣлаться критическимъ: съ каждымъ днемъ число людей, способныхъ держать оружіе, уменьшалось, духъ арміи падалъ и дисциплина фактически пропала. До сихъ поръ, хоть на него и смотрѣли какъ на виновника всѣхъ бѣдъ, однако никто не задумался бы при случаѣ не только оказать ему всякую услугу, почетъ и уваженіе, но и пожертвовать за него жизнью. Теперь солдаты стали открыто роптать вокругъ бивуачныхъ огней; не далѣе какъ вчера, когда императоръ захотѣлъ обогрѣться около одного изъ костровъ, герцогъ Вичентскій, по-

сланный выбрать мѣсто, заключилъ по слышаннымъ солдатскимъ рѣчамъ, что его величеству лучше не останавливаться, чтобъ не подвергнуться личному оскорбленію.

Наконецъ, и это послѣднее совершилось: сегодня какой-то несчастный чиновникъ военной администраціи, которому колесами тяжелой повозки только-что отдавило обѣ ноги, валяясь въ мученіяхъ на снѣгу, закричалъ проходившему Наполеону: «Чудовище, ты десять лѣтъ уже грызешь насъ! Друзья мои, онъ—бѣшеный, онъ—людоѣдъ! Берегитесь его, онъ сожретъ всѣхъ васъ...» Императоръ молча прошелъ мимо, дѣлая видъ, что ничего не видитъ и не слышитъ, а бѣдняга, не обезоруженный этимъ молчаніемъ, продолжалъ посылать ему вслѣдъ отборную, позорную брань...

Нравственныя мученія Наполеона были тяжелѣе физическихъ, и думы, одна безотраднѣе другой, тревожили воображеніе днемъ, во время долгихъ переходовъ, и по ночамъ безъ сна и покоя. Все прошлое этой несчастной кампаніи проходило передъ нимъ.

Вспоминалось, какъ военная молодежь Франціи собиралась въ русскій походъ, будто на пикникъ, на веселую шестимѣсячную прогулку, полная надеждъ на успѣхъ, на отличія и награды. Говорили знакомымъ: «Мы въ Москву! До скораго свиданія!» О серіозныхъ тяжелыхъ трудахъ, объ опасностяхъ не помышляли—ба! гдѣ же ихъ нѣтъ!

Никогда, можетъ быть, не бывало такихъ громадныхъ, необыкновенныхъ приготовленій къ войнѣ: задолго люди всевозможныхъ профессій—слесаря, кузнецы, плотники, столяры, каменщики, механики, часовыхъ и всевозможныхъ дѣлъ мастера—нанимались и законтрактовывались для какого-то неизвѣстнаго гигантскаго предпріятія цѣлыми тысячами. Большинство даже не знало, что все это предпринимается противъ Россіи, которой, напротивъ, общественное мнѣніе склонно было помогать въ войнѣ ея противъ турокъ и всѣ терялись въ догадкахъ о томъ, противъ кого же все это собирается: перебирали Англію, Пруссію, Турцію, Персію, даже восточную Индію...

Внезапный отъѣздъ Чернышева открылъ, правда, кончикъ завѣсы, но все-таки ничего вѣрнаго еще не знали; тѣмъ болѣе, что приказомъ по арміи запрещены были всякіе разговоры и разсужденія о войнѣ.

Армія была, безспорно, самая великолѣпная изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ на свѣтѣ! Одиннадцать корпусовъ пѣхоты, четыре корпуса тяжелой кавалеріи и гвардія—всѣ вмѣстѣ 500,000 человѣкъ при 1,200 орудій ждало только мановенія руки императора...

И все это было еще такъ недавно! Точно вчера онъ былъ въ Дрезденѣ, гдѣ роскошь, великолѣпіе и раболѣпство дѣлали изъ него какого-то сказочнаго азіатскаго могола, осыпавшаго брилліантами всякаго, кто къ нему приближался.

Императоръ австрійскій почтительно повторялъ ему, что «онъ можетъ вполнѣ разсчитывать на Австрію для доставленія торжества общему дѣлу». Король прусскій униженно увѣрялъ «въ неизмѣнной своей привязанности къ его особѣ и къ судьбѣ его предпріятій».

Король всѣхъ этихъ королей, онъ былъ стѣсненъ знаками почтенія владѣтельныхъ особъ, толпившихся въ его передней, и принужденъ деликатно дать понять, чтобы они не очень надоѣдали ему своимъ покло-

неніемъ. Всѣ взоры были устремлены на него съ удивленіемъ, восхищеніемъ, въ ожиданіи великихъ грядущихъ событій...

Теперь эти событія совершились.

Начало кампаніи было блистательно: каждый день сказывался какимъ-нибудь успѣхомъ, и всякій офицеръ, къ нему приближавшійся, приносилъ какую-либо радостную вѣсть. Передъ нимъ живо носилось и тяжелымъ укоромъ ложилось на совѣсть сравненіе нарядной блестящей молодежи на чудныхъ коняхъ, считавшей счастіемъ служить величайшему изъ полководцевъ, безотвѣтно ввѣрившей ему свою жизнь и честь, съ бѣглецами безъ образа человѣческаго, съ понуренными головами, въ рубищахъ, тянущихся теперь по дорогѣ и буквально устилающими ее своими тѣлами! Поистинѣ, никогда ни одной кампаніи не начиналъ онъ болѣе удачно!

Правда, опытные и бывалые люди и тогда уже высказывали ему безпокойство изъ-за быстраго уменьшенія состава арміи, огромныхъ, ежедневныхъ потерь въ людяхъ и лошадяхъ. Понятно, что теперь въ этомъ ужасномъ отступленіи все умираетъ и гибнетъ, но и тогда на пути, хоть не безпокоемомъ непріятелемъ, но утомительномъ отъ жгучаго солнца, когда сплошь и рядомъ приходилось пить вонючую воду лужъ и кормиться впроголодь сухарями и зерномъ на корню — голодъ и болѣзни уносили массу народа, и полки съ полнаго состава въ 2,800 человѣкъ уменьшились до 1,000 и даже 900.

Бывалыхъ людей и его самого смущалъ также и образцовый порядокъ, въ которомъ отступала русская армія, всегда прикрытая казаками, не оставлявшая ни одного больного, ни одной повозки, не только что орудій.

Наполеонъ молчалъ тогда, но хорошо видѣлъ, что въ организаціи его арміи и управленіи ею сказались разные недочеты — должнаго порядка не было. Мосты и броды по дорогамъ скоро портились, но ихъ никто не чинилъ, и корпуса проходили гдѣ — который хотѣлъ, такъ какъ главный штабъ не занимался этими мелочами; никто не указывалъ ни опасныхъ мѣстъ, ни обходныхъ путей и всякій корпусъ дѣйствовалъ на свой страхъ. Всюду отставшіе и заблудившіеся солдаты разыскивали свои части; посланные со спѣшными приказаніями не могли исполнять порученій и толпились на загроможденной дорогѣ среди страшныхъ шума и безпорядка. Солдаты и тогда уже нарушали дисциплину, но успѣхъ еще покрывалъ все. Онъ вспомнилъ, какъ самъ не строго отнесся и даже смѣялся донесенію о томъ, что одинъ изъ новоназначенныхъ имъ подпрефектовъ близъ Вильны былъ начисто ограбленъ солдатами и явился на свой постъ въ одномъ бѣльѣ! Да, онъ зналъ, что солдаты грабили, мучили и насиловали жителей, которые разбѣгались отъ нихъ, но опять-таки успѣхъ долженъ былъ покрыть это.

Все-таки великая армія была еще великолѣпна тогда, и Наполеону хорошо представилась картина перваго вступленія въ ту самую часть Россіи, по которой онъ теперь отступалъ: страна хорошая, дорога прямая, широкая, ровная, обсаженная березами, вся залитая блескомъ оружія проходящихъ войскъ.

Какъ пали его иллюзіи при видѣ Днѣпра, этой знаменитой древней рѣки Востока, оказавшейся незначительною и даже не живописною!

Потомъ битва подъ Смоленскомъ съ 6,000 убитыхъ и 12,000 раненыхъ у него, съ ужаснымъ пожаромъ. Вспомнился этотъ горящій городъ съ улицами, выложенными умирающими!.. Сожженіе самими русскими своихъ жилищъ, вмѣстѣ съ ихъ отступленіемъ въ полномъ военномъ порядкѣ, наводили его и тогда на мысль, что онъ можетъ подвергнуться въ этой странѣ участи Карла XII. Онъ замѣчалъ, что и въ арміи уже было безпокойство: мало было обычныхъ шутокъ и смѣха — даже офицеры, видимо нервные, исполняли свои обязанности безъ увлеченія. Онъ помнилъ, какъ въ Смоленскѣ долго не рѣшался, мучительно колебался, не сдаваясь на просьбы, мольбы большинства своихъ опытныхъ совѣтниковъ, остановиться — Мюратъ упрашивалъ на колѣняхъ, Бертье плакалъ — не идти дальше, но онъ не вытерпѣлъ: теоретическое рѣшеніе оставлено и дѣйствительность увлекла — онъ рѣшился идти впередъ. Какъ было сдѣлать иначе? Русская кавалерія напала на Себастіана и разбила его, нельзя было оставить армію подъ впечатлѣніемъ этой неудачи... [1])

. . . .

При общемъ молчаливомъ движеніи ясно слышался хрустъ снѣга подъ ногами офицеровъ свиты и слѣдовавшаго за ними конвоя; издали глухо доносился гулъ движущихся войскъ. На тихомъ безвѣтряномъ воздухѣ паръ поднимался отъ лошадей и людей, морозъ все крѣпчалъ, и дума императора дѣлалась все мрачнѣе и мрачнѣе.

Представлялась ему большая битва подъ Москвою со страшною жертвой отъ 40,000 до 50,000 человѣкъ и нерѣшительнымъ результатомъ...

Не онъ ли — виновникъ того, что день этотъ былъ только днемъ величайшей рѣзни, а не величайшей побѣды? Не его ли болѣзнь (dysurie), не позволившая сѣсть на лошадь, заставила его издали смотрѣть на поле битвы, представлявшее море дыма, съ грохотомъ орудій и ружей, криками «Ура!» и «Vive l'Empreur!» — не дала довершить битвы?

Наполеонъ вновь переживалъ въ воображеніи этотъ день и мысленно представлялъ себѣ, какъ бы слѣдовало ему провести его: быть здоровымъ, бодрымъ, свѣжимъ, съ утра сѣсть на коня, объѣхать, вдохновить войска и лично направить ихъ въ обходъ слабаго лѣваго фланга противника; тогда разговоръ былъ бы другой! Маршалъ Ней не былъ бы такъ чертовски правъ, какъ теперь, когда, узнавши объ отказѣ дать резервъ гвардіи, вскричалъ: «S'il a désapris de faire son affaire, qu'il aille se f... f... a Tuillerie; nous ferons mieux sans lui».

Эти досадныя и неотвязныя мысли такъ растревожили императора, что онъ ускорилъ шагъ и сталъ нервно отбивать удары своею березовою палочкой...

Ему представилась битва въ самомъ разгарѣ: маршалы умоляютъ его о подкрѣпленіи, объ окончательномъ ударѣ, и онъ рѣшается дать свой послѣдній резервъ, онъ самъ сейчасъ поведетъ гвардію въ бой!.. Тогда будетъ сломленъ остатокъ сопротивленія русскихъ, все еще занимающихъ позиціи, въ которыя ихъ оттѣснили, но уже видимо изнемогающихъ. Сейчасъ побѣдоносно завершится кровопролитнѣйшая изъ

---

[1]) См. **1812 годъ.** Москва. 1895 г.

всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи битвъ, армія непріятельская будетъ разсѣяна, и Александръ волей-неволей запроситъ мира...

Но маршалъ Бессіеръ подходитъ и шепчетъ ему на ухо: «Не забывайте, ваше величество, что вы за 800 лье отъ вашего базиса!»

Отъ волненія при этомъ воспоминаніи императоръ внезапно остановился; остановилось и все за нимъ слѣдовавшее, при чемъ не обошлось безъ комическихъ столкновеній между генералитетомъ, криковъ и брани въ войскахъ. Наполеонъ обернулся и осмотрѣлся, при чемъ взглядъ его невольно палъ на маршала Бессіера... Потомъ онъ пошелъ далѣе — такъ или иначе дѣло сдѣлано и день битвы подъ Москвою вписанъ въ скрижали исторіи, какъ день кровавѣйшаго, но нерѣшительнаго побоища.

Да и то сказать: не былъ ли правъ тогда Бессіеръ? Если теперь среди страшныхъ невзгодъ отступленія и холодовъ еще не все побросало оружіе и соблюдается нѣкоторое подобіе порядка, если гвардія поддерживаетъ еще нѣсколько духъ и дисциплину арміи, то не обязаны ли этимъ тому, что эту гвардію поберегли тогда, сохранили ея офицеровъ и составъ, не дали охладиться ея пылу? Что было бы, если бы эта колонна изъ нѣсколькихъ отборныхъ тысячъ людей была бы теперь въ числѣ всего нѣсколькихъ сотенъ, павшихъ духомъ, потерявшихъ энергію, деморализованныхъ? Общая погибель была бы несомнѣнна!

Лошади падаютъ тысячами, кавалерія идетъ пѣшкомъ, а артиллерія брошена; канавы по сторонамъ дороги полны людьми и лошадьми. Конечно, Пароянскіе всадники не были назойливѣе казаковъ, а жаркія степи Бактріаны — убійственнѣе снѣжныхъ пустынь Россіи; участь же обѣихъ армій, римской и французской, очевидно, одинакова: обѣ уничтожены! [1])

Уже бросили въ воду всѣ московскіе трофеи и большую часть награбленнаго добра. Ужасъ царитъ повсюду, всѣ видятъ спасеніе только въ бѣгствѣ. Генералы и офицеры смѣшались съ денщиками и всѣ одѣты въ тѣ же рубища, такъ же обросли бородами, такъ же грязны, закопчены, покрыты паразитами. Это какая-то шайка воровъ и разбойниковъ, между которыми ни жизнь, ни имущество не въ безопасности: воруютъ все, что только можно воровать, обираютъ споткнувшихся и упавшихъ братьевъ, слабыхъ, больныхъ, умирающихъ. Дорога представляетъ сплошное поле битвы, одно непрерывное кладбище; всѣ окрестности разорены и выжжены.

Непостижимо, какъ могъ онъ такъ промедлить въ Москвѣ! Онъ виноватъ во всемъ, и это Эйлауская кампанія обманула его: испытавши дурную, холодную погоду, на половину грязь, и легкіе морозы польской зимы, онъ думалъ уже, что знакомъ съ настоящей русскою зимой, но ошибся, жестоко ошибся!

Все мрачнѣе и мрачнѣе думы Наполеона, все безотраднѣе кажется ему его положеніе. Кругомъ трещитъ морозъ, а Франція, Парижъ досадно далеки еще...

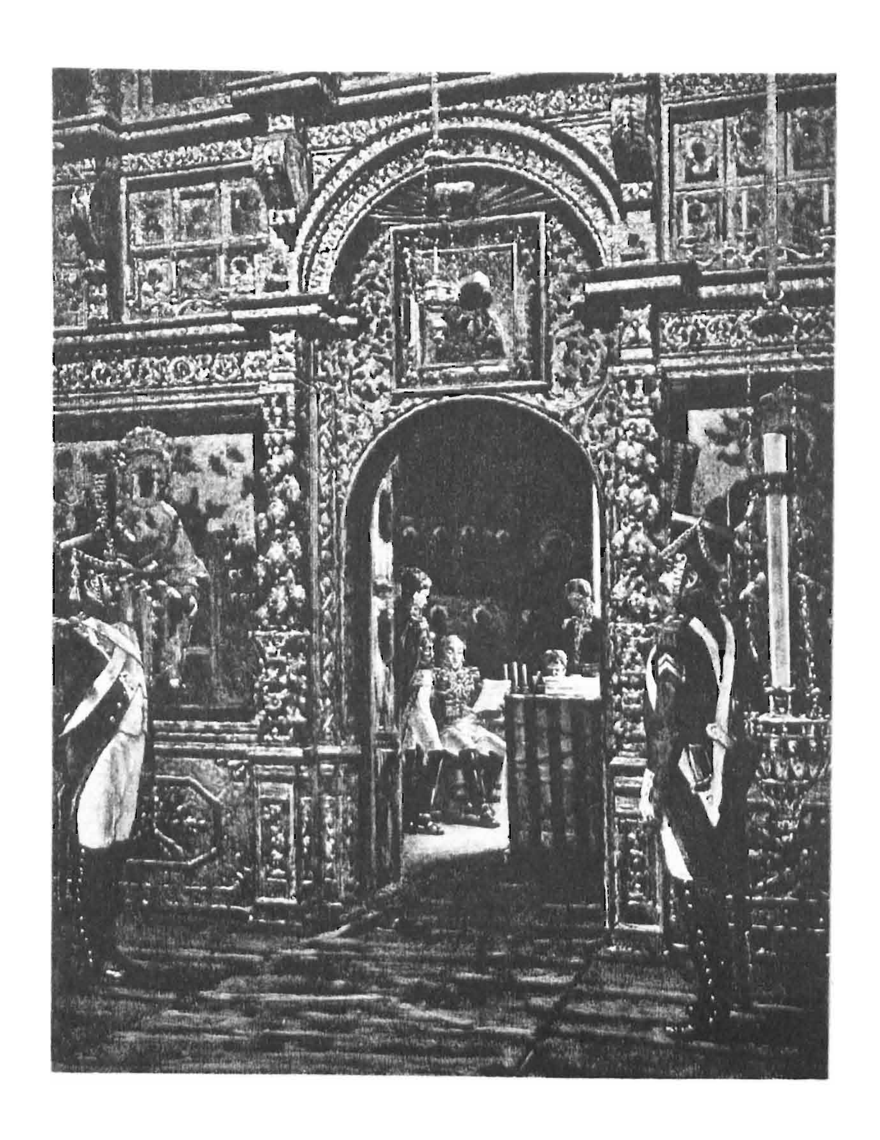
---

[1]) См. **1812 годъ.** Москва. 1895 г.

X.

Маршалъ Даву въ Чудовомъ монастырѣ.

Даву имѣлъ главную квартиру въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, но, пріѣзжая въ Кремль, останавливался въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ, на мѣстѣ выброшеннаго престола, была поставлена походная кровать его. Двое часовыхъ изъ солдатъ 1-го корпуса стояли по обѣимъ сторонамъ царскихъ вратъ.

Маршалъ Даву въ Чудовомъ монастырѣ.

Съ картины В. В. Верещагина.

«Не замай! — Дай подойти!»

Съ картины В. В. Верещагина.

XI.

«Не замай!—дай подойти!»

Семенъ Архиповичъ былъ старостой въ одной изъ деревень Смоленской губерніи, Краснинскаго уѣзда; деревня эта находилась верстахъ въ 40 отъ большой Смоленской дороги.

За первый проходъ къ Москвѣ непріятель продовольствовалъ себя и лошадей тѣмъ, что находилъ на поляхъ и что попадалось въ ближнихъ деревняхъ, такъ что фуражиры его не заходили очень далеко, и староста Семенъ, вмѣстѣ со всѣми односельчанами уже переселившійся было въ лѣсъ, гдѣ зарылъ свой провіантъ и имущество, пріободрясь, воротился въ деревню.

Скоро, однако, непріятельскіе мародеры небольшими партіями стали заглядывать въ избы, требовать хлѣба, молока и проч. и тѣхъ, кто попадалъ въ ихъ руки, жестоко били и мучили.

У старосты, какъ и у другихъ крестьянъ, чесались руки на незванныхъ гостей, но они опасались убивать ихъ потому, что непріятель распускалъ слухъ, будто занятыя мѣстности Смоленской губерніи никогда болѣе не будутъ принадлежать Россіи, а крестьяне — своимъ господамъ. Это настолько поколебало умы въ окрестности, что находились охотники помогать непріятелю, отыскивать спрятанные фуражъ и имущество, а мѣстами толпы крестьянъ попускались даже на грабежъ помѣщичьихъ домовъ. Въ народѣ говорили о томъ, что, по приказу и благословенію Могилевскаго преосвященнаго, духовенство уже начало поминать въ церквахъ на обѣднѣ, вмѣсто царя Александра I, императора Наполеона I. Смута настолько вошла въ умы, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ французовъ встрѣчали съ хлѣбомъ-солью...

Недовольство между крестьянами, безспорно, было, и Семенъ Архиповичъ видѣлъ, что по мѣрѣ движенія непріятеля въ глубь страны духъ неповиновенія господамъ и ихъ управляющимъ все увеличивался, плохо стали слушать и его голоса.

Скоро, однако, съ разныхъ сторонъ стали приходить свѣдѣнія о томъ, что французы истребляютъ все, что попадется подъ руку: останавливаются среди полей, мнутъ и уничтожаютъ жатву, а надъ жителями совершаютъ неслыханныя злодѣйства, женщинъ, которыя не успѣваютъ бѣжать, насилуютъ: по всему пути валяются не только зарѣзанные крестьяне, но и поруганныя дѣвушки, дѣти! Пошелъ слухъ, что церкви обращаютъ въ казармы, магазины, конюшни и бойни, что со святыхъ иконъ сдираютъ серебряные оклады и потомъ выбрасываютъ ихъ на улицу; колятъ образа на дрова, а также употребляютъ ихъ и святые престолы вмѣсто столовъ и скамеекъ. Издѣваются всячески надъ святыми сосудами и церковными облаченіями: изъ первыхъ пьютъ вино, а вторыя надѣваютъ на себя...

Въ достовѣрности этихъ извѣстій нельзя было сомнѣваться, а потому они вызвали большое озлобленіе между крестьянами и сразу пресѣкли попытки наиболѣе вольнодумныхъ между ними, начавшихъ было толковать о томъ, что «надо выждать, посмотрѣть, что будетъ, что, можетъ, Наполеонъ и вправду освободитъ ихъ»... Въ той же деревнѣ одинъ изъ крестьянъ, вырвавшійся изъ Москвы, откуда онъ вначалѣ не успѣлъ выйти, разсказывалъ, добравшись до дома, будто въ Москвѣ своевольство непріятельскихъ солдатъ такъ велико, что его и начальство не можетъ сдержать: пьянствуютъ, грабятъ и убиваютъ; въ Кремлѣ, въ алтарѣ Архангельскаго собора будто бы кухня; въ Успенскомъ — лошади; наглостей и ругательствъ, чинимыхъ въ церквахъ, и описать невозможно... будто бы изрубили двухъ священниковъ въ Андроньевскомъ монастырѣ. У Красныхъ воротъ онъ самъ видѣлъ мишень, устроенную изъ образовъ, для стрѣльбы въ цѣль. Изъ Вознесенскаго монастыря взяли священническую ризу и брачный вѣнецъ, надѣли ихъ на ученаго медвѣдя и заставили его плясать... Жителей будто бы всячески истязаютъ: такъ, многіе видѣли князей Волконскаго, Лопухина, Голицына, не успѣвшихъ уѣхать и которыхъ французы заставили таскать на плечахъ кули, крича на нихъ: «Allo, Allo!» (allons, allons)!

На пути отъ Москвы онъ слышалъ о томъ, что народъ самъ начинаетъ расправляться съ небольшими партіями непріятеля; что крестьяне ѣздятъ на Бородинское поле сраженія, собираютъ тамъ ружья, сабли и прочее оружіе и ими убиваютъ французовъ, попадающихся въ руки, на дорогахъ, въ лѣсахъ и по деревнямъ.

Семенъ Архиповичъ собралъ міръ, и въ присутствіи батюшки было рѣшено освѣдомиться у начальства, не будетъ ли отвѣта за убійство супостатовъ; коли нѣтъ—такъ собраться отрядомъ и промышлять противъ врага, сколько Богъ поможетъ.

Сомнѣніе ихъ очень скоро было разрѣшено казацкимъ офицеромъ изъ партіи Фигнера, пробиравшимся мимо ихъ деревни съ нѣсколькими людьми, для развѣдокъ, подъ Москву: онъ освѣдомилъ крестьянъ, что убійство непріятелей не только не будетъ поставлено въ вину, но что еще сочтется въ заслугу и даже наградится. Въ томъ, что врагъ будетъ скоро изгнанъ, нельзя было и сомнѣваться, такъ какъ Кутузовъ уже держалъ его въ Москвѣ, какъ въ ловушкѣ...

Быстро составился отрядъ партизановъ-крестьянъ, и начальство надъ ними было ввѣрено старостѣ Семену.

Сначала молодежь пыталась освободиться изъ-подъ власти немолодого уже начальника партіи, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ дѣйствовалъ не довольно смѣло и рѣшительно, но скоро все пришло въ порядокъ, такъ какъ эта кажущаяся несмѣлость и нерѣшительность оказалась осторожностью. Напримѣръ, когда непріятеля было много, Семенъ Архиповичъ не дѣйствовалъ одинъ, а старался соединиться или съ другой партіей, или съ казаками. Зато когда потребовалась настоящая рѣшимость, староста тотчасъ проявилъ ее: въ сосѣдней деревнѣ стрѣляли по передовымъ непріятельскаго отряда, который, подойдя, захватилъ кого могъ — стараго и малаго и всѣхъ разстрѣлялъ на церковной паперти. Вотъ, потомъ, когда арріергардъ отряда остался ночевать въ опустѣвшей деревнѣ, Семенъ распорядился обложить избы хворостомъ и берестою и сжегъ враговъ, припёрвши двери снаружи.

Съ другой стороны, староста Семенъ не любилъ чрезмѣрной жестокости. Разсказывали, что въ М...... уѣздѣ ожесточеніе противъ непріятеля достигло такой степени, что изобрѣтались самыя мучительныя казни: плѣнныхъ ставили въ ряды и по очереди рубили имъ головы, живыхъ опускали въ проруби и колодцы и т. п. Старшина, начальствовавшій надъ партіей въ сосѣднемъ уѣздѣ, тоже былъ до того строгъ, что все выспрашивалъ, какою бы еще новою смертью наказывать ему французовъ, такъ какъ всѣ извѣстные роды смерти онъ уже перепробовалъ и они казались ему недостаточными, по ихъ злодѣяніямъ. Жестокость эта, впрочемъ, оправдывалась звѣрствомъ поступковъ непріятеля: разъ, когда партизаны перебили передовыхъ фуражировъ, вступившихъ въ деревню, подошедшій отрядъ разослалъ погоню и всѣхъ схваченныхъ, окунувши въ масло, сжегъ на кострѣ, около котораго непріятели грѣлись. Другой разъ враги содрали кожу съ живыхъ мужиковъ, только за то, что тѣ оборонялись.

Такихъ крайностей Семенъ Архиповичъ не одобрялъ и безъ надобности не убивалъ непріятеля, а отправлялъ по начальству въ уѣздъ. Жалостливый къ обезоруженнымъ врагамъ, староста былъ неумолимъ относительно тѣхъ малодушныхъ изъ своихъ, что пробовали завязать выгодныя сношенія съ французами: нѣкоторые крестьяне, добровольно продавшіе непріятелю хлѣбъ, были разстрѣляны по приговору міра и съ утвержденія священника.

Партизаны были вооружены не одинаково: имѣлись флинты начала прошлаго столѣтія и хорошія французскія ружья, взятыя отъ убитыхъ и плѣнныхъ; у многихъ были тесаки и вся аммуниція, отнятая у французовъ, у другихъ только пики или палки съ прибитыми къ нимъ косами.

Нерѣдко съ партіею ходилъ самъ старый батюшка, когда въ подрясникѣ, а когда, при морозахъ, въ полушубкѣ и всегда съ крестомъ въ рукахъ, что придавало народу смѣлость и увѣренность.

Отставной солдатъ, находившійся въ партіи старосты Семена, располагалъ обыкновенно на возвышенныхъ мѣстахъ караулы, которые давали знать о приближеніи непріятеля: ударяли въ набатъ и крестьяне конные и пѣшіе бросались къ сборному пункту.

Между наиболѣе дѣятельными и храбрыми партизанами былъ дьячокъ, всюду поспѣвавшій верхомъ на своей шустрой лошаденкѣ; нельзя

было приблизиться ночью къ деревнѣ, безъ того, чтобы онъ не задержалъ, не допросилъ и не осмотрѣлъ—и это, несмотря на то, что дьячокъ былъ кривъ на одинъ глазъ; впрочемъ, на лошади, съ французской саблей черезъ плечо и драгунскимъ ружьемъ наперевѣсъ, онъ смотрѣлъ внушительно.

Еще отличался беззавѣтною храбростью Федька, немолодой уже, рыжій мужикъ, простоватый, лѣзшій во всякую опасность.

Всего-навсего партія старосты Семена, дѣйствовавшая въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, отправила на тотъ свѣтъ болѣе 1500, да взяла въ плѣнъ и сдала начальству около 2000 человѣкъ непріятеля.

Съ оружіемъ въ рукахъ—разстрѣлять!

Съ картины В. В. Верещагина.

XII.

«Съ оружіемъ въ рукахъ — разстрѣлять!»

Когда французы пошли изъ Москвы назадъ, люди и лошади ихъ такъ голодали, что непріятельскіе фуражиры стали заѣзжать далеко въ сторону, часто большими партіями, иногда съ пушками.

Семенова деревня стояла почти пустая и только по праздникамъ народъ, выходя изъ лѣсныхъ трущобъ, пробирался къ ограбленной церкви для богослуженія.

Однажды ударили въ набатъ утромъ, какъ разъ въ воскресенье, когда староста со своими выходилъ отъ обѣдни. Едва успѣлъ онъ крикнувши, чтобы собирались живѣе, добѣжать до дому и, схвативши свою старую флинту выскочить на улицу, какъ налетѣли на него конные люди — французскіе гусары. Старикъ и самъ не помнилъ, хотѣлъ онъ только выстрѣлить или вправду выстрѣлилъ, какъ его смяли, стоптали и избили до полусмерти. Очнулся онъ только, когда стали крутить назадъ руки его же кушакомъ — такъ крѣпко перетянули, что старыя кости затрещали! У одного изъ вязавшихъ его была кровь на щекѣ: «Не я ли его такъ попотчевалъ», мелькнуло въ умѣ Семена Архиповича, «ишь какъ онъ около меня старается». Французъ, и вправду, былъ особенно сердитъ на старика и стянулъ его, упершись колѣномъ, какъ лошадь въ хомутъ, злобно ворча: «Attends tu vas voir!» (ну, погоди, у меня!)

Ничего не понималъ Семенъ Архиповичъ—очень ужъ былъ избитъ, кости ныли, въ головѣ трещало; какъ въ туманѣ онъ видѣлъ, что съ нимъ вмѣстѣ захватили еще 3 крестьянъ: рыжаго Федьку, который такъ часто отправлялъ непріятелей на тотъ свѣтъ, Григорья Толкачева, что спасся изъ Москвы, и, должно быть, крѣпко помятаго, потому что онъ что-то охалъ, стоналъ, да хромого Еремѣя, бывшаго у нихъ кузнецомъ и слесаремъ и на весь отрядъ точившаго сабли и пики.

Когда потащили, погнали связанныхъ молодцовъ, старикъ шелъ бойко, исправнѣе всѣхъ; Федька тоже не отставалъ—гдѣ бѣгомъ, гдѣ въ припрыжку, такъ что имъ меньше доставалось ударовъ палашами. Но хро-

мому Еремѣю приходилось плохо: онъ часто спотыкался, падалъ, и такъ какъ со связанными руками не могъ подыматься, то каждый разъ былъ угощаемъ пинками, оплеухами, палашами и прикладами. Голова его уже во многихъ мѣстахъ была разбита и онъ оставлялъ за собою по снѣгу слѣдъ крови. Еще хуже было Гришѣ Толкачеву: этого крѣпкаго, здороваго мужика такъ отбарабанили еще при поимкѣ, что онъ шелъ съ помутившимися глазами, шатаясь словно пьяный. Когда, весь избитый, окровавленный отъ поощрительныхъ ударовъ, онъ сталъ отставать, французы перекинулись между собою нѣсколькими словами—одинъ изъ нихъ приложилъ ему карабинъ къ уху и спустилъ курокъ...

Семенъ Архиповичъ съ товарищами и оглянуться не посмѣлъ; они только догадались—въ чемъ дѣло.

Должно быть, верстъ тридцать, коли не всѣ сорокъ, прошли они и стали подходить къ большой Московской дорогѣ, по которой тянулось видимо-невидимо непріятеля, укутаннаго кто во что попало и съ оружіемъ, и безъ оружія, и пѣшаго, и коннаго. Одѣты были и въ женскія юбки и въ кацавейки, ноги завернуты въ тряпье и всякую рвань, лица грязныя, закоптѣлыя, опухшія. Пушекъ, повозокъ, каретъ и всякой всячины конца нѣтъ, а шумъ, гамъ—и не приведи Богъ! Видитъ Семенъ Архиповичъ, что гнавшіе ихъ солдаты остановились передъ кучкою какихъ-то людей, чисто одѣтыхъ, закутанныхъ въ мѣха, должно быть, начальниковъ, стоявшихъ въ сторонѣ отъ дороги, кругомъ костра: грѣются и о чемъ-то разговариваютъ.

Впереди, широко разставивши ноги, въ зеленомъ бархатномъ кафтанѣ, на соболяхъ стоялъ невысокаго роста толстый человѣкъ со звѣздой на груди, видимо чѣмъ-то недовольный. «Ужъ не онъ ли?» мелькнуло въ головѣ старосты.

Одинъ изъ солдатъ, тотъ самый, что былъ раненъ въ щеку, соскочилъ съ лошади, подошелъ къ маленькому человѣку и, приложивши руку къ козырьку, доложилъ ему. Тутъ Семенъ струхнулъ, опустилъ голову, закрылъ глаза и сталъ творить молитву... недоброе предчувствіе такъ сильно охватило его, что выжало слезу, застывшую на щекѣ...

А Федька, хоть тоже понимавшій, что дѣло идетъ объ ихъ жизни или смерти, не утерпѣлъ, пытливо уставился въ маленькаго человѣка, разсуждая про себя: «Смотри ты—какой, на ногтѣ можно пришибить, а какой прыткій, да и сердитый же, братцы вы мои—туча тучей!»

Маленькій человѣкъ повернулъ къ гусару свое невеселое, усталое лицо и только спросилъ: «Armes à la main?» (Съ оружіемъ въ рукахъ?). «Всѣ съ оружіемъ въ рукахъ», отвѣчалъ гусаръ. «Разстрѣлять!» хладнокровно произнесъ пузатый человѣчекъ и сталъ опять разговаривать съ господами въ шубахъ.

Семенъ Архиповичъ опомнился и поднялъ голову, когда его встряхнули и заставили подняться съ колѣнъ. Видитъ, что все засуетилось: толстому человѣку подали карету, онъ сѣлъ въ нее, вмѣстѣ съ другимъ начальникомъ въ русской казацкой буркѣ, съ перьями на шапкѣ, и поѣхалъ; за нимъ тронулись и остальные, кто въ каретахъ, кто верхомъ.

«Онъ самый и есть!» мелькнуло въ мысляхъ у Семена Архиповича, а Федька даже не утерпѣлъ, шепнулъ товарищамъ; «онъ, братцы, самый онъ и есть!..»

Какъ только начальство разъѣхалось, расправа произошла быстро: къ тѣмъ же самымъ деревьямъ, около которыхъ грѣлось французское начальство, привязали молодцовъ и безъ всякихъ формальностей приложили каждому по карабину къ головѣ.

Семенъ Архиповичъ свалился какъ снопъ, а Федька рыжій хрипѣлъ и барахтался, такъ что его пришлось приканчивать...

Одежду съ нихъ сняли еще раньше и суконный праздничный кафтанъ старосты достался какъ разъ тому гусару, котораго онъ угостилъ рубленымъ свинцомъ изъ флинты; полушубки Федьки и Еремѣя достались двумъ другимъ солдатамъ; тулупы эти были съ насѣкомыми, но такіе теплые, что помогли обладателямъ ихъ дотянуться до самой Березины.

XIII.

«Въ штыки! Ура! Ура!»

Наполеонъ изъ Смоленска и князь Кутузовъ изъ Щелканова выступили къ Красному въ одинъ и тотъ же день,—говоритъ М. Данилевскій.

Туда же съ непріятельской стороны вышли корпусъ Жюно, гвардейская артиллерія, парки, смѣшанные кавалеристы и обозы. Слѣва отъ дороги шелъ польскій корпусъ.

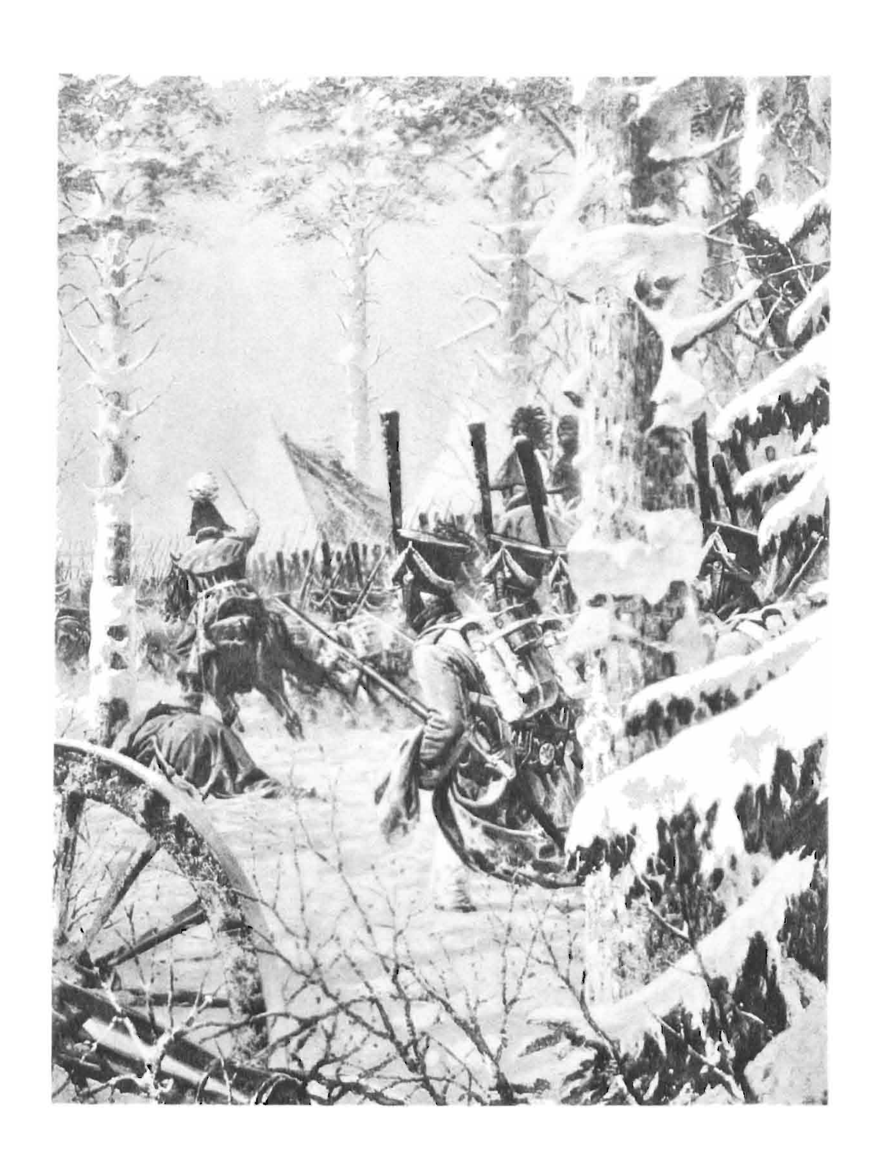
Затѣмъ французы выступили изъ Смоленска: сначала вице-король, потомъ Даву и, наконецъ, Ней—всѣ въ разстояніи одного перехода одинъ отъ другого.

Нею, къ которому перешло командованіе арріергардомъ, послѣ того, что Даву былъ признанъ слишкомъ методичнымъ и медлительнымъ, велѣно было выпроводить всѣхъ отсталыхъ и больныхъ и сжечь все, чего нельзя было увезти, стѣны же и башни взорвать, такъ какъ Наполеонъ объявилъ, что «онъ не желаетъ быть задержаннымъ этими стѣнами въ слѣдующій походъ».

Князь Кутузовъ писалъ о направленіи главныхъ силъ арміи Чичагову, что онъ будетъ попрежнему держаться съ лѣвой стороны Наполеона: «Симъ сохраняю я сообщеніе съ хлѣбородными губерніями, вѣрную коммуникацію съ вами, а непріятель, видя меня рядомъ съ собою идущаго, не посмѣетъ останавливаться, опасаясь, чтобы я его не обошелъ».

Милорадовичу приказали идти на Красненскую дорогу и стараться отрѣзать непріятелю отступленіе къ городу. Ему приказано было, впрочемъ, не доводить французовъ до отчаянія, давать имъ отступать и только безпокоить возможно больше съ фланговъ и тыла.

3-го ноября, въ 4 часа пополудни, Милорадовичъ приблизился къ столбовой дорогѣ и увидѣлъ французскую гвардію, ведомую Наполеономъ, для котораго появленіе русскихъ было неожиданно, такъ какъ

Въ штыки! — Ура! Ура!

Съ картины В. В. Верещагина.

онъ не предполагалъ возможности быть предупрежденнымъ, думалъ, что его преслѣдуютъ только казаки.

Милорадовичъ тоже не зналъ, какую именно часть непріятельскихъ войскъ онъ имѣетъ предъ собой. Онъ поставилъ батареи, стрѣлялъ, но большого разстройства не произвелъ и сильнаго урона не нанесъ. Только заднія части непріятельскихъ колоннъ пострадали: нѣкоторыя взяты съ оружіемъ въ рукахъ, другія побѣжали назадъ къ Смоленску, третьи разсыпались по лѣсамъ, прилегающимъ къ Днѣпру. Наполеонъ съ гвардіей ушелъ въ Красное.

Старшій сынъ старосты Семена Архиповича служилъ въ одномъ изъ гренадерскихъ полковъ. Старикъ могъ бы избавить своихъ ребятъ отъ рекрутчины, но, не желая отстать отъ господъ, почти поголовно рвавшихся на войну, представилъ одного изъ молодцовъ въ солдаты. Другой сынъ жилъ въ лѣсу, гдѣ вмѣстѣ съ бабами берегъ вывезенное имущество, въ наскоро вырытыхъ землянкахъ, за древесными засѣками. Младшій парень вмѣстѣ съ отцомъ ходилъ въ поиски непріятеля.

Сынъ не зналъ ничего о бѣдѣ, стрясшейся надъ его старикомъ, хотя слышалъ, что тотъ не на шутку воюетъ не только съ отсталыми и мародерами, но и съ малочисленными колоннами фуражировъ; будучи теперь вблизи отъ родныхъ мѣстъ, онъ постоянно ожидалъ встрѣчи, если не съ самимъ старикомъ, то хоть съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ.

Войска мало понимали нерѣшительность поступковъ начальства относительно французовъ. Между солдатами слышно было, что «Самъ», т.-е. фельдмаршалъ, приказалъ не напирать крѣпко на отступающихъ и не доводить ихъ до отчаянной обороны. Жаль!—всѣмъ хотѣлось поскорѣе окончить войну, хоть бы ужъ потому, что хуже того, что было въ этотъ зимній походъ, не могло быть, пожалуй, и на томъ свѣтѣ! Войска Милорадовича особенно терпѣли и принимали всего—голода, холода и усталости! Въ то время, какъ главная армія двигалась сравнительно медленно, съ дневками, они рѣшительно не знали отдыха за ежедневными перемѣщеніями: съ фуражировокъ привозилось мало, люди и лошади насилу ходили и убыль въ нихъ была очень велика. Солдаты ночевали на открытомъ воздухѣ, жарились и прожигали свои одежды около огней... Въ голодные дни Милорадовичъ говорилъ, что «чѣмъ меньше хлѣба, тѣмъ больше славы...»

Надежда перерѣзать путь непріятельскимъ полкамъ и захватить ихъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ самимъ Наполеономъ была общая и у офицеровъ и у солдатъ. О томъ, гдѣ именно, при какой части находился императоръ французовъ,—не было извѣстно и, хотя передовой отрядъ уже проскочилъ на глазахъ у всѣхъ въ Красное, надѣялись перехватить слѣдовавшій за нимъ и съ замираніемъ сердца ждали появленія его.

Все утро не показывалось ни одного француза по дорогѣ изъ Смоленска. Часа въ три пополудни казаки донесли, что вице-король тянется густыми колоннами изъ Ржавки.

Милорадовичъ расположилъ одинъ пѣхотный и одинъ кавалерійскій корпусъ поперекъ дороги, а параллельно съ нею поставилъ Раевскаго, имѣвшаго въ это время только одну дивизію Паскевича.

Видя себя отрѣзаннымъ отъ Краснаго, вице-король построилъ корпусъ въ боевой порядокъ. Его сопровождали толпы безоружныхъ сол-

дать, кавалеристы безъ лошадей, канониры безъ орудій. Артиллерія была почти вся брошена и подобрана казаками на рѣкѣ Вопи, такъ что тутъ оставалось только 17 орудій.

Бой былъ не равенъ и продолжался недолго; непріятель былъ вездѣ опрокинутъ и только часть съ вице-королемъ во главѣ успѣла пробиться къ Красному.

Гренадеры, выйдя изъ закрывавшаго ихъ лѣса, ружья на перевѣсъ, съ крикомъ «ура!», насилу вытаскивая ноги изъ глубокаго снѣга, такъ стремительно ударили на непріятеля, что большая колонна его положила передъ ними оружіе; остальные или сдались, или разсѣялись и бросились на проселки, чему помогла наступившая темнота.

Въ общемъ, впрочемъ, и въ этотъ разъ дѣло было сдѣлано не вполнѣ и ждали болѣе жаркаго боя къ слѣдующему дню, 5-го ноября.

Въ этотъ день Наполеонъ, рано до свѣта, выступилъ изъ Краснаго навстрѣчу Даву, двигавшемуся отъ Смоленска. Французскій императоръ былъ во главѣ старой гвардіи пѣшкомъ, въ своей шубѣ, подбитой соболемъ, въ собольей шапкѣ и мѣховыхъ сапогахъ, съ березовою палочкой въ рукахъ.

Онъ шелъ назадъ, въ сторону Россіи и на замѣчаніе объ опасности, которой подвергалъ себя съ такими ничтожными силами, въ виду всей русской арміи, отвѣтилъ: «Довольно мнѣ разыгрывать императора, пора быть снова генераломъ!»

Понимая, что Даву нельзя будетъ присоединиться къ нему безъ большихъ потерь, пока русскіе стоятъ у дороги, Наполеонъ рѣшился атаковать главную армію, разсчитывая на то, что осторожный Кутузовъ отзоветъ тогда Милорадовича къ себѣ и дастъ первому корпусу пройти.

Почти такъ и случилось: Милорадовичъ волей-неволей пропустилъ главную часть отряда маршала, соединившагося съ Наполеономъ, и напалъ лишь на арріергардъ, изъ котораго захватилъ около 7,000 человѣкъ при 28 орудіяхъ.

Князь Кутузовъ, проявившій такую осторожность—многіе говорили, трусость—былъ послѣдователенъ и вѣренъ себѣ: лично обозрѣвши позицію, занятую непріятелемъ передъ Краснымъ, и увѣрившись, что самъ Наполеонъ предводительствуетъ на ней — подтвердилъ ранѣе данныя приказанія не доводить непріятеля до отчаяннаго боя, въ которомъ наши могли бы потерять много народа. Онъ держался того мнѣнія, что намъ надобно провести на границу войско, а не обрывки его, и что незачѣмъ съ большей потерею людей добиваться того, что само собою случится: непріятельская армія, все равно, сгибнетъ отъ холода, голода и всяческихъ трудностей зимняго похода, а на переходѣ черезъ рѣку Березину, подъ нашими выстрѣлами, разумѣется, принуждена будетъ положить оружіе.

На лѣвомъ флангѣ своей роты сынъ старосты Семена часто ходилъ въ штыки, стоялъ подъ сильнымъ огнемъ и много разъ глядѣлъ смерти въ глаза.

Не мало ужасовъ насмотрѣлся онъ около непріятеля: вся окрестность была усѣяна человѣческими трупами и падалью животныхъ. Вездѣ валялись зарядные ящики, лазаретныя повозки, пушки, ружья,

пистолеты, барабаны, кирасы, кивера, шомполы, тесаки, сабли, множество московскихъ колясокъ и дрожекъ, которыя очень понравились французамъ; валялись лошади съ выпущенными внутренностями и съ разрѣзанными животами, въ которые враги залѣзали, чтобы сколько-нибудь согрѣться. Непріятель кутался отъ холода въ священническія ризы, стихари, женскіе салопы. Ноги обертывалъ соломою, на головы надѣвалъ капоры, жидовскія шапки, рогожи...

Какъ ни терпѣли наши солдаты, а все же ихъ положеніе нельзя было сравнить съ состояніемъ непріятеля; довольно сказать, что французы начинали ѣсть своихъ товарищей, падавшихъ отъ голода, поджаривали ихъ у костровъ...

Главнокомандующій и генералы въ приказахъ рекомендовали солдатамъ человѣколюбіе и милосердіе. Помимо этого, въ самыхъ сердцахъ солдатъ невольно поднималась жалость къ жертвамъ такихъ небывалыхъ бѣдъ и они часто отпаивали, откармливали и отогрѣвали у своихъ костровъ ослабѣвшихъ, бродившихъ какъ тѣни, непріятельскихъ солдатъ.

Скоро, однако, чувству милосердія Ивана предстало испытаніе: на снѣгу, около дороги они нашли разстрѣленными троихъ крестьянъ, изъ которыхъ одинъ былъ уже старый. Ивану достаточно было взглянуть на нихъ, чтобы признать въ старикѣ своего отца, а въ двухъ другихъ—односельчанъ. Они валялись запорошенные снѣгомъ, съ ранами въ груди и на головахъ. Долго горевать было некогда, такъ какъ войска двигались: наскоро вырыли въ мерзлой землѣ могилу и схоронили въ ней всѣхъ троихъ. Съ этихъ поръ Иванъ сталъ меньше жалѣть врага и на другой день при атакѣ колоннъ Нея, когда Милорадовичъ, подскакавъ къ ихъ полку, сказалъ, указывая на французовъ: «Ребята! видите ихъ: дарю вамъ всѣхъ!»—бросился съ товарищами по глубокому снѣгу и жестоко отомстилъ за смерть своего старика.

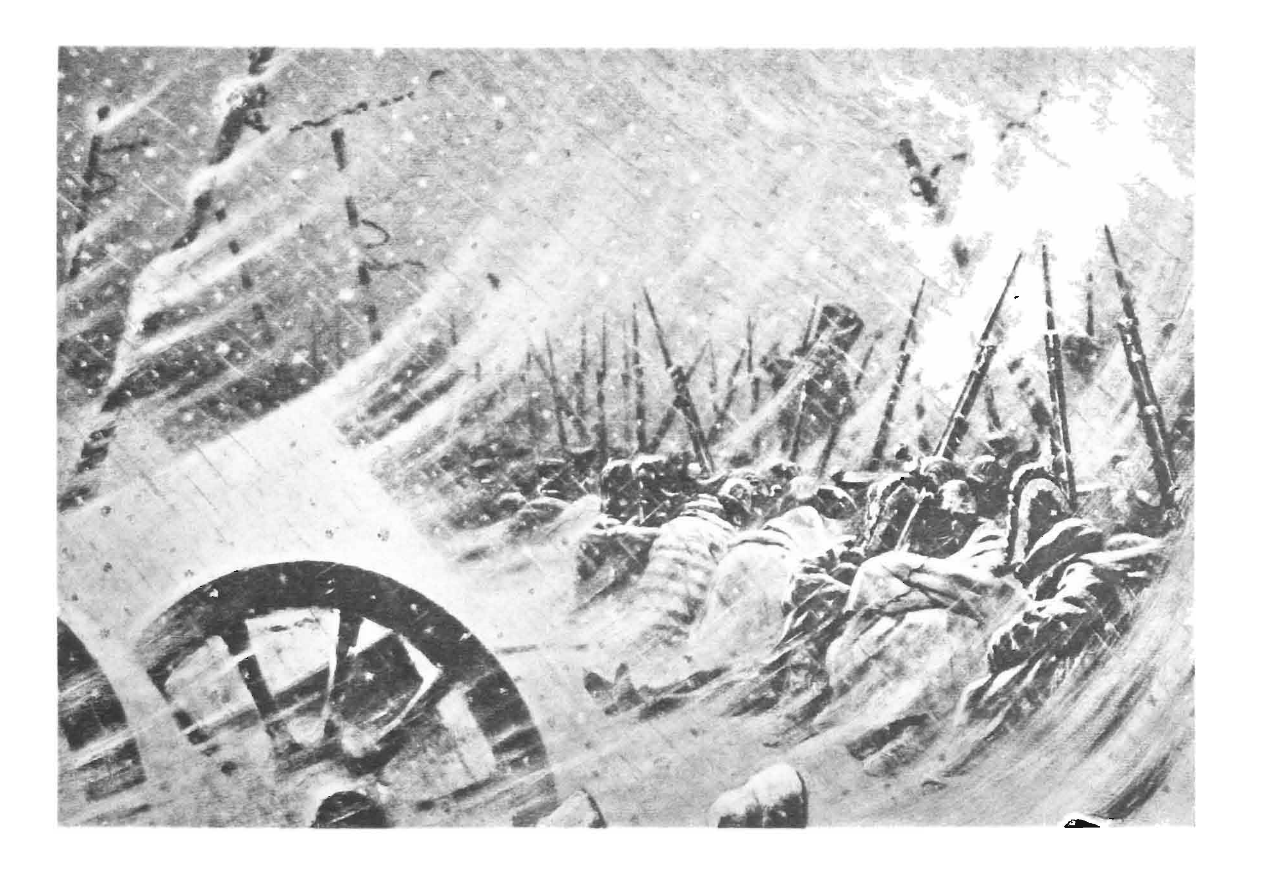
Побывавши послѣ на родинѣ, онъ разсказалъ въ родной деревнѣ, какъ нашелъ «стараго» съ товарищами, съ простреленными грудями и головами, съ объѣденными собаками конечностями; всѣмъ міромъ была отслужена по убіеннымъ панихида, и флинта покойнаго старосты вмѣстѣ съ нѣсколькими другими трофеями была повѣшена въ церковь. Побрезговали ли французы этою флинтою или забыли ее, только по уходѣ ихъ ее подняли съ мѣста свалки и она долго служила предметомъ любопытства не только для окрестныхъ крестьянъ, но и господъ начальниковъ, желавшихъ взглянуть на нее, какъ на живой памятникъ славныхъ дѣяній покойнаго старосты.

О мученической кончинѣ Семена Архипова и его подвигахъ сложилась даже цѣлая легенда: нашлись видѣвшіе своими глазами, какъ покойникъ положилъ множество народа, прежде чѣмъ попался въ плѣнъ, а внуки уже не стѣсняясь разсказывали, что старый герой едва успѣвалъ «заряжать да палить»—сколько онъ положилъ непріятеля, того и не сосчитать!

XIV.

Ночной привалъ великой арміи.

Морозная зима, быстро со всею силою подвинувшаяся на неподготовленную къ ней отступавшую армію,—награбившую массу цѣнныхъ вещей, но не позаботившуюся о зимней одеждѣ,—показала ей, что въ этой сторонѣ она незванная гостья. Злой приказъ Наполеона жечь все кругомъ, имѣвшій цѣлью наказать русскихъ, наказалъ прежде всего своихъ: приводившійся въ исполненіе не арріергардомъ, какъ бы слѣдовало, а авангардомъ, онъ отнималъ у несчастныхъ солдатъ послѣднюю возможность хоть изрѣдка отогрѣваться подъ крышею и заставлялъ проводить всѣ ночи подъ открытымъ небомъ. Тѣ, которымъ удавалось развести огонь, по часамъ сидѣли вокругъ него, наслаждаясь теплотой и не замѣчая, какъ загорались ихъ одежды и даже обугливались отмороженныя части тѣла. Нѣкоторые прямо входили въ костры и обгорали до смерти. Ужаснѣе всего были ночи во время вѣтровъ и снѣжныхъ бурь: длинные ряды тѣсно сжавшихся солдатъ, укутанныхъ въ продырявленныя шинели и плащи, также въ женскія юбки, крестьянскіе армяки, священническія ризы и кто во что гораздъ—издавали одинъ общій протяжный стонъ, не заглушавшійся даже воемъ вѣтра. Тутъ были генералы, офицеры и солдаты—всѣ взывали къ далекой роднѣ и кляли Россію съ ея морозами, одинаково недружелюбно поминая императоровъ Наполеона и Александра...

Ночной привалъ великой арміи.

Съ картины В. В. Верещагина.

СОДЕРЖАНІЕ.

Текстъ.

Фотогравюры на отдѣльныхъ листахъ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ

ВСѢ ВОСЕМЬ ВЫПУСКОВЪ

НОВАГО РОСКОШНАГО ХУДОЖЕСТВЕННАГО ИЗДАНІЯ

Ѳ. И. БУЛГАКОВА

ВЕНЕРА и АПОЛЛОНЪ

ВЪ ЖИВОПИСИ И СКУЛЬПТУРѢ.

(Два исконныхъ идеала красоты женской и мужской).

40 фотогравюръ in-folio.

Съ наилучшихъ произведеній

35 знаменитѣйшихъ художниковъ идеальныхъ школъ греческаго искусства и эпохи Возрожденія, изъ европейскихъ музеевъ.

СОДЕРЖАНІЕ ВСѢХЪ ВОСЬМИ ВЫПУСКОВЪ

ВЫПУСКЪ I. **Венера.** Съ картины Джорджоне.—**Венера и Адонисъ.** Съ картины Паоло Веронезе.— **Венера, Амуръ и голуби.** Съ картины Ламберта Сюстриса.—**Венера Капитолійская**(статуя).—**Аполлонъ Бельведерскій** (статуя).

ВЫПУСКЪ II. **Венера съ зеркаломъ.** Съ картины Тиціана.— **Венера указываетъ Амуру на Психею.** Съ картины Рафаэля.— **Венера.** Съ картины сэра Эдварда Бернъ-Джонса.— **Венера Милосская** (статуя).— **Аполлонъ Киѳаредъ** (статуя).

ВЫПУСКЪ III. **Венера Урбино.** Съ картины Тиціана.—**Туалетъ Венеры.** Съ картины Франческо Альбано.—**Спящая Венера.** Съ картины Никола Пуссена.—**Аполлонъ и Дафна.** Группа Бернини.— **Венера, Меркурій и Купидонъ.** Съ картины Антоніо Аллегри (Корреджіо).

ВЫПУСКЪ IV. **Венера и Вулканъ.** Съ картины Тинторетто.—**Венера съ двумя амурами.** Съ картины Франча Биджо.—**Амуръ, обезоруженный Венерой.** Съ картины Роберта Лефевра.—**Аполлонъ съ ящерицей** (статуя).— **Аполлонъ и Венера на Парнасѣ.** Съ картины Андреа Мантеньи.

ВЫПУСКЪ V. **Судъ Париса.** Съ картины Рубенса.—**Аполлонъ.** (Фидія).—**Венера среди пейзажа.** Пальма Веккіо.—**Венера Медичи** (статуя).—**Венера съ зеркаломъ** (**Венера Бельведера**). Съ картины Джованни Беллини.

ВЫПУСКЪ VI. **Аполлонъ и Марсіасъ.** Съ картины Рафаэля.— **Аполлонъ и Музы.** Джуліо Романо.— **Купидонъ, увѣнчивающій Венеру.** Съ картины Тиціана.— **Венера и Амуръ.** Съ картины Веласкеца.— **Венера, играющая съ Купидономъ, и спящій Марсъ.** Съ картины Пьеро ди-Лоренцо (Пьеро ди-Козимо).

ВЫПУСКЪ VII. **Рожденіе Венеры.** Съ картины Сандро Боттичелли. **Фотогравюра въ 10 красокъ.— Венера и Амуръ.** Съ картины Якопо Каруччи (Понтормо). (По рисунку Микель-Анджело).—**Аполлонъ и Дафна.** Съ картины Антоніо Поллайуоло.— **Венера, Купидонъ и Сатиръ.** Съ картины Аньоло ди-Козимо (Бронцино).—**Венера и Адонисъ.** Съ картины Джованни Франческо Романелли.

ВЫПУСКЪ VIII. **Венера и Адонисъ.** Съ картины Тиціана.— **Марсъ и Венера.** Съ картины Бонвенуто Тизи (де-Гарофало).— **Аполлонъ на Парнасѣ.** Фрески Рафаэля.— **Купидонъ даритъ Венерѣ стрѣлу.** Съ картины Гвидо Рени.—**Венера Родительница** (статуя).

Пояснительный текстъ съ описаніемъ картинъ и скульптурныхъ произведеній и съ біографіями ихъ авторовъ напечатанъ отдѣльной книгой со множествомъ виньетокъ.

Цѣна . . . . 18 р.
Съ пересылкой . . . . 20 »

Въ продажѣ имѣется лишь весьма незначительное количество экземпляровъ.

Разсрочка платы прекращена. Съ наложеннымъ платежомъ не высылается.

Отдѣльно выпуски не продаются.

Цѣна изящной папки 2 р., съ пересылкой—2 р. 50 коп.

Годовые подписчики на „Новый Журналъ Иностранной Литературы" пользуются уступкою 10 процентовъ съ 18 руб.

Адресоваться: въ редакцію «Новаго Журнала Иностранной Литературы» (С.-Петербургъ, Малая Морская, 9).